

ВИКТОР
ПРОНИН
ЗОМБИ
ИДЕТ ПО ГОРОДУ

Банда

Виктор Пронин

Зомби идет по городу

«ЭКСМО»

1994

Пронин В. А.

Зомби идет по городу / В. А. Пронин — «Эксмо»,
1994 — (Банда)

За годы службы следователю Пафнутьеву довелось повидать всякое: трупы, кровь, безумные глаза убийц. Но даже он содрогнулся, когда бандиты показали ему отрезанную голову его осведомителя. При этом его руки были скованы наручниками, и он даже не мог отвернуться. Похоже, это не последний «сюрприз» из тех, что заготовили бандиты следователю-заложнику. Пафнутьев не теряет самообладания только потому, что знает – где-то рядом его ребята, особенно один из них, отчаянный и бесстрашный, которого все зовут Зомби...

Виктор Пронин

Зомби идет по городу

В пятницу вечером после допроса Пафнутьев не вернулся домой – вместе с Андреем уехал в его деревенскую берлогу, где когда-то познакомились они при столь печальных обстоятельствах. Наутро они отправились за грибами, набрали столько белых, что не смогли все зажарить на громадной сковородке, а отдохнув, пошли на вечернюю зорьку половить рыбку. Клевал в основном окунь, но какой-то необыкновенно крупный. Килограммовые рыбины прекрасно клевали в тот тихий неспешный вечер. Так и получилось, что на ужин у них была свежая рыба, а поскольку Пафнутьев предусмотрительно захватил с собой бутылку водки, то пир удался на славу. Андрей, правда, не пил, но не возражал против легкого пафнутьевского загула. Со стороны могло показаться странным их общение – оба молчали. Им и не было надобности говорить. У людей вообще нечасто бывает потребность в разговорчивости, чаще это идет от суетности или боязни замолчать, так тоже бывает. Пафнутьев и Андрей молчания не опасались, поскольку не было между ними ничего невнятного, смутного. Отношения были ясными, понятными обоим.

– Надо было Вику с собой захватить, – обронил как-то Пафнутьев, когда его поплавок слишком уж долго оставался неподвижным на красноватой закатной глади реки. Из этого замечания можно было заключить, что мысли его бродили весьма далеко от речушки, в которой водились громадные, красновато-полосатые окуни.

– Да, – неопределенно протянул Андрей, неотрывно глядя на свой поплавок.

– Давно ее видел?

– Порядком... Звонила недавно, рассказала про лифтовую историю...

– Бедный Амон, – вздохнул Пафнутьев.

На этом разговор закончился, поскольку у Пафнутьева поплавок резко пошел в глубину, и, поддернув удочку, он выволок на берег прекрасного окуня, который сверкал на солнце, искрился, и во все стороны от него разлетались брызги.

В понедельник оба проснулись рано, сходили на речку, окунулись в уже холодной реке и вернулись в дом свежими, бодрыми, готовыми к действиям. Осенняя вода привела их в состояние радостного возбуждения. Потом Андрей за сорок минут доставил Пафнутьева к прокуратуре. Твердой, подчеркнута четкой походкой Пафнутьев прошествовал по коридору, открыл дверь, широко перешагнул порог своего кабинета и как раз успел к телефонному звонку. Видимо, Анцыферов был уже у себя и наблюдал за Пафнутьевым из окна.

– Зайди, – бросил в трубку Анцыферов и на этом разговор прекратил.

– Начинается, – пробормотал Пафнутьев, и сердце его дрогнуло от дурных предчувствий. Заволновался Пафнутьев, забеспокоился. Знал, что нашкодил, знал, что даром ему это не пройдет. И сколько он ни бродил по лесным опушкам в поисках последних белых грибов, сколько ни выдергивал из воды сверкающих окуней, думал он только вот об этом звонке и об этом утре, когда побледневший, но решительный будет шагать он к кабинету Анцыферова.

Прокурор сидел за пустым столом, отражаясь в его полированной поверхности. Он напоминал короля пик. Хотя нет, для короля Анцыферов был несколько жидковат, скорее валета крестового.

– Рад приветствовать тебя, Леонард, в это прекрасное утро! – с подъемом воскликнул Пафнутьев от двери.

– Садись, Паша, – проговорил Анцыферов, слабо махнув рукой. Пафнутьев поразился его голосу – звучал он непритворно скорбно. Всмотревшись в лицо прокурора, Пафнутьев увидел и усталость, и горечь, и готовность поступить как угодно твердо с ним, с Пафнутьевым. – Как провел выходные?

– Знаешь, Леонард, пошли такие белые грибы... Я был потрясен. Громадные, чистые, ни единого червяка... А в сумерках светятся, будто изнутри их кто-то подсвечивает... Кошмар какой-то! Но самое главное – я поймал вот такого окуня, – Пафнутьев показал, какого окуня ему удалось поймать – от кончиков пальцев до локтя.

– Надо же... А почему, Паша, ты не спросишь, как я провел выходные?

– Леонард! Скажи, пожалуйста, как ты провел выходные? Уверен, многим утер нос, а?

– В основном мне утирали, Паша, – и опять в голосе Анцыферова явственно прозвучала усталость. – Почему ты нарушил нашу договоренность, Паша? Почему не отпустил этого подонка, этого кретина, как мы с тобой и договаривались? Почему ты всех нас послал к какой-то там матери – и меня, и Колова, и Сысцова?

– Леонард! – вскричал Пафнутьев, но Анцыферов не дал ему продолжить.

– Ты думаешь, мы не знаем, кто такой Амон? Думаешь, что ты один такой умный да проницательный?

– Я так не считаю!

– Если все пришли к тебе на поклон, то это вовсе не значит, Паша, что ты можешь всех нас посылать подальше.

– Когда вопрос о его освобождении был решен и я оформлял ему пропуск, а Дубовик уже снял с него наручники, этот Амон начал вести себя совершенно по-хамски! Он грозился кровавыми разборками, он такое нес...

– Не надо, – Анцыферов поднял дрожащую ладонь, и Пафнутьев понял, что в эти выходные и прокурору пришлось принять несколько лишних рюмок. – Амон – злобный пес. И он лает, когда ему это подсказывает его собачий разум, собачья натура, собачья злоба.

– Леонард! Спроси у Дубовика...

– Заткнись, Паша. Мне плевать на Дубовика и на все, что он скажет. Даже если бы этот дерьмовый Амон искусал вас обоих в кабинете, ты должен был отпустить его. Потому что мы так договорились. Мы! А не он!

– Когда Колов...

– Ты думаешь, что Колов бросил своих баб, свои баньки, заботу о бабках и примчался сюда ради Амона? Он примчался сюда потому, что его послал Сысцов. Только его просьба имеет значение для Колова, для меня... Я думал, что и для тебя.

– Сысцов мне не звонил! – отчаянно воскликнул Пафнутьев, задыхаясь в обвинениях и разоблачениях.

– Еще чего не хватало, – усмехнулся Анцыферов. – Ты, Паша, всех нас очень подвел. Причем сделал это сознательно, расчетливо, злонамеренно.

– Если этот Амон такая значительная личность, то кто вам мешал отпустить его без меня?!

– Уже отпустили.

– Значит, все в порядке? Справедливость восторжествовала? Закон и право на высоте? Любимый город может спать спокойно? И видеть сны?

– Паша, – Анцыферов вздохнул, глядя в окно, и его лицо, освещенное белесым светом серого дня, казалось необыкновенно бледным, даже изможденным. – Паша... Шутки кончились. Ты знаешь, что произошло с Амоном в эти два дня?

– А что с ним могло произойти в камере? Он под охраной, под защитой... Посторонних там быть не может.

– Там и не было посторонних. Там были все свои. И камера, Паша, вся камера... трахала этого Амона двое суток подряд. Сегодня утром его вывели под руки.

– Он не мог позволить так обращаться с собой. У него сильно развито именно мужское начало, – неуверенно проговорил Пафнутьев, потупив глаза.

– Ты не знаешь, как это делается? Они набросили ему на шею полотенце, придушили настолько, что он начал сучить ногами, а уж потом принялись использовать.

– Сколько же их там было, в камере?

– Он – тринадцатый.

– А! – обрадованно воскликнул Пафнутьев. – Этим все и объясняется. Чертова дюжина!

– Заткнись. Трое по дряхлости оказались ни к чему не способными, а остальные девять человек поработали на славу. Повторяю, Паша, его вынесли. Его трахали двое суток... И не только в задницу. Ты понимаешь, о чем я говорю?

– Приблизительно, – кивнул Пафнутьев.

– Чтобы понимал не приблизительно, а в полной мере, я тебе кое-что объясню. Так поступают с теми, кто проходит по делам об изнасилованиях. Почему в камере решили, что Амон – насильник? У него много недостатков, у него дурное воспитание и отвратительные привычки, он злобен и безжалостен... Но он не насильник, Паша!

– У меня есть показания... Его опознала потерпевшая...

– Как об этом узнали в камере?

– Леонард! Ты же знаешь, что у них налажена потрясающая система оповещения!

– Я знаю первоисточник, Паша. И мы с тобой оба знаем, что я имею в виду. Я поговорил с конвоирами...

– Он получил то, чем сам грозился.

– Паша, пойми... Мы не говорим об этом ублюдке. Они могли бы его вообще там придушить и двое суток трахали бы его труп... И меня бы это нисколько не взволновало... Все это уже бывало. Мы говорим о другом, Паша.

– Слушаю, – Пафнутьев исподлобья глянул на прокурора.

– Ты не годишься для этой должности. Для тебя слишком большое значение имеет собственное достоинство, собственные суждения о том о сем...

– Это плохо?

– Очень плохо.

– Почему?

– Потому что ты был в связке. И главная твоя задача – чтобы твое звено было надежным. Да, Паша, есть закон связки, и ты его нарушил. Ты был неприкосновенным, пока находился в нашей связке. Теперь неприкосновенности ты лишился. И у тебя за спиной оказался человек с одной-единственной целью в жизни... Убить тебя. Амон выживет, придет в себя...

– Опущенный?

– Опущенный или приподнятый... Это имеет значение среди уголовников. А он из другого мира. Из мира, где превыше всего законы кровной мести. Они действуют неограниченно во времени, из поколения в поколение... Если увильнешь ты, он будет добираться до твоих детей, если увильнут они, то его внуки будут добираться до твоих внуков и рано или поздно перережут их всех. У него отныне одна цель в жизни. Даже если ты его посадишь на пятнадцать лет, он выживет и сохранит силы, страсть и ярость. И силы ему будет давать мечта о встрече с тобой. Я бы не хотел иметь такого врага.

– Если ты все это знаешь, зачем выпустил?

– Во-первых, я выполнил просьбу уважаемого мною человека. Немного запоздал, но выполнил. А во-вторых, я уравнил ваши шансы, Паша. Теперь вы на равных. Впрочем, нет, его положение более предпочтительное.

– А что, нет другого способа убрать меня?

– Ты подвел многих людей, на тебя глядя, еще кто-то нарушит законы и обычаи... Такие вещи не должны оставаться безнаказанными. Чтобы в будущем не случилось подобного с другими членами нашей...

– Банды? – угрюмо подсказал Пафнутьев.

– Чтобы ничего подобного не случилось с остальными звеньями нашей цепи, – поправил Анцыферов. – Я не всегда поступал, как тебе хотелось, как ты считал правильным. Но я не стремился нравиться тебе, Паша. У меня другая цель – быть надежным, не подвести людей, которые мне доверяют, которые мне помогают, которые выручат и спасут меня, когда я окажусь в беде. А они меня выручат. Мы с тобой в этом не сомневаемся, да?

– Иногда мы даже в этом уверены.

– Вот-вот. Поэтому я заранее выручаю моих друзей. Ты можешь сказать, что я расплачиваюсь. Скажи. Это меня не обидит. Да, я заранее расплачиваюсь за те услуги, которые в будущем мне окажут. Здесь действуют суровые законы, Паша, может быть, гораздо суровее, нежели в той банде, которую ты только что упомянул. Ты тешишься словами, а мы делаем дело. В этом наша разница.

– А мне показалось, что я работаю в прокуратуре, – невесело усмехнулся Пафнутьев.

– Это заблуждение, Паша. Прокуратура – всего лишь прикрытие. Даже деньги, которые нам здесь платят, – это не деньги, это прикрытие, основание, чтобы ты мог тратить другие деньги, которые здесь можешь делать и, надеюсь, делаешь. Если ты ловишь иногда преступников, то это всего лишь прикрытие твоей настоящей деятельности. Пожалуйста, лови, хоть весь город пересажай... Ведь мы с тобой прекрасно знаем, что посадить можно каждого. Причем заслуженно. Так вот, пересажай весь город, но если тебе скажут, что вот этого человека трогать нельзя, значит, его не трожь.

Пафнутьев сидел молча, разглядывая собственные ладони, словно по линиям пытаюсь определить свою дальнейшую судьбу, предназначение, свой конец. От утренней свежести и бодрящего чувства опасности не осталось и следа. Гнетущая тяжесть какой-то беспросветности, безысходности навалилась на него, и он, обмякнув в кресле, смотрел перед собой полуприкрытыми глазами, и нельзя было с уверенностью сказать, понимает ли он вообще, о чем идет речь.

– Ты раньше так не говорил, Леонард, – наконец произнес Пафнутьев.

– Раньше мы жили в другой стране, ты этого не заметил?

– Заметил.

– Раньше существовали законы.

– И их исполнители, – добавил Пафнутьев.

– Я о другом, – перебил его Анцыферов. – Существовали законы. Мы могли называть их справедливыми или нет, демократическими, диктаторскими, какими угодно. Но они действовали, и все им подчинялись. Потом пришли громкоголосые, с подловатыми помыслами люди и сказали, что это плохие законы. Однако новых не предложили. «Да? – закричали толпы идиотов. – Это плохие законы?» – «Отменить их!» – завопили продажные газетчики, вылезшие из баров, подворотен и камер. «Ура!» – закричали толпы идиотов. И в результате мы получили сегодняшний день.

– Хорошо говоришь, – одобрительно кивнул Пафнутьев.

– Я могу говорить еще лучше, чтобы тебе немного понравиться. Взгляни наверх! Разве ты увидишь там пример для подражания? Там, Паша, тоже можно сажать каждого. И тоже обоснованно. Мы с тобой прекрасно это знаем. Но не сажаем. Более того – принимаем подачки – зарплату за работу, которую не выполняем, нам и платят за то, чтобы мы ее не выполняли, неужели ты этого до сих пор не понял? Мы служим, Паша! Очнись!

– Я не им служу.

– Твое личное дело – какими словами себя утешать. Но нужно знать совершенно твердо – это всего лишь утешительные рассуждения. Сути не изменить. Тебе просто не позволят этого сделать. Уходить тебе надо, Паша.

– Я подумаю.

– Не утруждайся. За тебя уже подумали. Я тебя ухожу.

– Не уйдешь.

– Да? – улыбнулся Анцыферов. – А что же мне помешает?

– Это опасно.

– Для кого?

– Для всей цепочки.

– Ты в этом уверен?

– Да. – Пафнутьев быстро взглянул на Анцыферова. – Да, Леонард. Все, что ты сейчас сказал, звучит убедительно. Все так и есть. В этом я с тобой согласен. Но! Это не законы бытия, это исключения. И исключения никогда не станут законами, как бы широко они ни распространились, как бы соблазнительно ни выглядели.

– Ты так думаешь? Пожалуйста. Думай так.

– Не трогай меня, Леонард, ладно? Не мешай мне работать. Я ведь тебе не мешаю... Накладка вышла, согласен. Мог помочь, оказать услугу, не оказал. Уж больно этот Амон завяз. Открещиваться вам надо от него, а вы торопитесь спасать. И потом, знаешь... Достал меня этот Амон, достал. Смотри, Леонард, как бы вам не сгореть на нем.

– Не будем, Паша, о том, кто на чем сгорит... Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется... Хорошо, не будем пороть горячку. Работай... Пока. Но советую по-дружески – по сторонам оглядывайся.

– С какой целью?

– Подыскивай новое место, Паша.

– А ты вроде насчет этого кабинета намеки делал?

– Проехали.

– Жаль... А я уж начал привыкать, – Пафнутьев окинул взглядом стены, шкафы, большие окна. – Приятное местечко, ничего не скажешь.

– Теплое, – поправил Анцыферов. – Но ты же не ищешь себе теплого места?

– Знаешь, в чем твоя ошибка, Леонард? Настроение сегодняшнего утра, нагоняй вчерашнего дня, телефонные перебранки этой ночи – все это ты обобщил навсегда. И напрасно. Наступит новое утро, потом еще одно... Появятся новые проблемы, новые герои, потребуются новые услуги... И эти два выходных дня растают во времени.

– Хватит, Паша. Поговорили... Я сказал главное: оглядывайся по сторонам. Смотри, чтоб Амон за спиной не оказался. Одно интересное место у него сейчас сильно зудит, но это пройдет. А вот другой зуд останется. И он знает, кто это ему устроил. Иди, Паша... Лови. Поймаешь – доложишь. Вынесу благодарность. Но место себе все-таки подыскивай.

* * *

Пафнутьев покинул кабинет Анцыферова с тяжелым чувством, что бывало с ним нечестно. Ощущения правоты, злой, яростной, отчаянной правоты, с которым он входил к прокурору, уже не было. Его охватило раскаяние. Да, в оправдание можно сказать, что он выполнил служебный долг, не поддался бесцеремонному давлению, задержал опасного преступника, воспрепятствовал его незаконному освобождению, проявил и рвение и добросовестность...

Все это он повторил себе не один раз, но успокоение не приходило, доводы не утешали и не снимали досадливого недовольства собой. Он не привык оценивать свои поступки по служебным обязанностям. Существовал более высокий отсчет – он подвел людей, которые на него надеялись. Пусть они будут бесчестными, корыстными, опутанными преступными связями, пусть они сами относились к нему не самым лучшим образом, все это было не столь важно. Анцыферов понял, куда нужно ударить Пафнутьева, где его болевая точка, и этот удар он нанес: «Ты обещал, мы на тебя надеялись, а ты обманул». Все. Остальное не имело никакого значе-

ния. Ведь Анцыферов не упрекнул за пренебрежение служебными обязанностями, он знал, что этим Пафнутьева не заденешь, он его мордой в пренебрежение человеческими ценностями...

Вышагивая по своему кабинету, покряхтывая от досады, постанывая, словно от сильной физической боли, Пафнутьев искал и не находил объяснения, довода, который бы оправдал его в собственных глазах. Надо же как бывает – сделал свое дело, поступил справедливо, правильно, а душа болит. И по матушке послал он Анцыферова подальше, чтоб тот даже мысленно не корил его, не уличал, еще раз произнес про себя все слова, которые говорил Анцыферову, только более подробно и убедительно – не помогало.

И наконец что-то забрезжило, возник довод, который вроде бы смягчал его вину, – своими действиями Пафнутьев не только ответил на вызов, брошенный ему лично, причем брошенный каким-то кретином, недоумком, убийцей, своими действиями он защитил того же Анцыферова, тех же начальников, которые стояли за ним. Если Амон вот так использует их расположение, если он позволяет себе бравировать знакомством с ними, значит, и их он не слишком ценит. Да, это проявилось – в чем-то он даже презирал своих благодетелей. А они, догадывались ли они об этом? Или же им это безразлично? Да, и Анцыферов сказал об этом открытым текстом. Значит, был человек, которого Амон уважал, преклонялся, которому служил. И это не генерал Колов, не Анцыферов и не Спецов.

Это Байрамов.

И не в состоянии больше терпеть тяжесть в душе, Пафнутьев тут же отправился к Анцыферову и высказал ему свои доводы, горячась и перебивая самого себя. Анцыферов слушал молча, рисуя карандашом какие-то замысловатые фигуры, переплетающиеся, наслаивающиеся и составляющие какой-то несуразный клубок. Может быть, он нарисовал клубок преступлений?

– Все? – спросил Анцыферов, когда Пафнутьев замолчал.

– Вроде все, – несколько смущенно ответил Пафнутьев, не ожидавший от Анцыферова такого долготерпения.

– Это хорошо, Паша, что ты пришел покаяться...

– Я пришел не каяться, а объяснить. Я не отрекаюсь ни от своих слов, ни от своих действий. И ни о чем не сожалею. Мне важно, Леонард, чтобы ты понял мотивы моих действий.

– Паша, я тебе уже говорил и повторяю снова – мне безразличен Амон со своей развороченной задницей. Меня попросили о небольшом одолжении, я обещал, но не выполнил. Вот и все.

– Но, выпуская Амона сегодня утром, ты спросил у меня, каково мне было его задержать? Каково мне было его вычислить? Как мне вообще удалось узнать о его существовании?

– Нет, не спросил. По той простой причине, что мне все это не интересно.

– Хорошо, – опять начал яриться Пафнутьев. – Но, выпуская Амона, ты знал, что этим подвергаешь смертельной опасности меня?

– Да, я это понимал.

– И то, что Амон опасен не только для меня, что он вообще для людей опасен, ты тоже понимаешь?

– Да, Паша.

– К тебе надо присмотреться, Леонард.

– С какой целью?

– Чтобы узнать, на кого работаешь.

– Я и так могу тебе это сказать, и присматриваться даже ко мне не нужно.

– Скажи.

– На себя, Паша. Если тебе так важно знать подобные мелочи, отвечаю не задумываясь – работаю на себя. Можешь сказать, что под себя. Это не важно. Ты что же думаешь, в этой России, как ее иногда называют полузабытым древним словом, в стране, где отменены законы,

где президент совершает государственный переворот, а потом именно в этом обвиняет тех, кто перевороту воспротивился... Неужели ты думаешь, что в этих условиях можно думать еще о чем-то, кроме самого себя?

Пафнутьев некоторое время молчал, стараясь сдержаться и не произнести слов, о которых потом будет жалеть.

– Есть единственный выход, достойный выход из этого положения, – наконец проговорил Пафнутьев.

– Поделись.

– Делать свое дело. Тихо, спокойно, изо дня в день, ковыряясь в носу или еще где-либо. Не ожидая ни благодарностей, ни славы, ни признания, ни денег. Просто изо дня в день делать свое дело.

– Очень хорошо, Паша, что ты это понимаешь. В другое время, в другой стране тебе бы цены не было, а так... Извини. Идет, Паша, развал. Мы скатились в массовое разграбление всего, что еще осталось на этой земле. Люди дичают и сбиваются в стаи...

– В банды, – поправил Пафнутьев.

– Да, – согласился Анцыферов. – Так будет точнее. Одичавшие, брошенные, голодные собаки сбиваются в стаи. Одичавшие, обманутые, брошенные собственным правительством голодные люди сбиваются в банды, чтобы попытаться выжить. Только попытаться, потому что ни у кого нет уверенности в том, что выжить удастся... Как видишь, я понимаю, что происходит за этими окнами. Наш с тобой вывод, Паша, одинаков. Но это не мешает каждому поступать по-своему.

– Хорошо, что ты это понимаешь.

– И я рад, что мы поговорили с тобой сегодня. Теперь мы можем поступать свободнее по отношению друг к другу, верно? Нас теперь мало что может остановить, да, Паша? – Анцыферов оторвал взгляд от своего клубка преступлений на листке бумаги и улыбчиво посмотрел на Пафнутьева.

– Если, Леонард, ты еще что-то хочешь добавить – добавь. Я охотно тебя выслушаю.

– Нет, я все сказал. Теперь твоя очередь.

– А я промолчу, – Пафнутьев улыбнулся широко, легко, освобожденно. – Как говорят умные люди, несказанное слово – золото.

– Вот и тебя, Паша, на золото потянуло. Желтый – цвет прощания, верно?

– Цвет разлуки, – поправил Пафнутьев, выходя.

Теперь, вышагивая из угла в угол, Пафнутьев не кряхтел и не стонал. Пришло чувство правоты, ощущение уверенности, холодящее, бодрящее ожидание опасности.

Да, думал Пафнутьев, да! Все мы сбиваемся в банды, хотим того или нет, часто даже не догадываясь, что мы уже не сами по себе, не просто так, мы уже задействованы, мобилизованы, мы уже в банде и не можем вести себя, как нам хочется, не можем поступать, ни о чем не думая. Мы в банде и должны подчиняться жестким законам банды. Даже если по простоте душевной, по глупости или самонадеянности еще не знаем, что давно являемся членами той или иной банды, но уже изменились наши поступки, все наше поведение уже изменено и выстроено с учетом законов банды. И скажи нам кто-то, что мы в банде, что мы круты и безжалостны, что мы превыше всего ставим законы и благополучие банды... Можем даже оскорбиться, обидеться, вознегодовать. Мы живем по законам банды, даже в ней не участвуя, ее ненавидя, презирая и отвергая.

Ну хорошо, из чувства приличия мы называем наши банды компаниями, командами, клубами... Но так ли уж важно словечко, если предполагается подчинение общим законам, даже если во главе стоит не пахан, не главарь, а просто лидер – образованный, утонченный, авторитетный. И этот лидер набирает себе в команду людей по единственно важному в банде

признаку – верность общим целям и готовность идти на что угодно за вожаком, за паханом, за президентом.

Но что происходит дальше – страна покрывается бандами, страна попадает под их власть. Команды у прокуроров, торгашей, артистов эстрады, банкиров, президентов и депутатов. Со своими группами охраны, группами прикрытия, с телохранителями из бывших боксеров и каратистов, со своими вышибалами денег, заказов, долгов, времени на телевидении. И постепенно, как бы мы к этому ни относились, мы усваиваем бандитскую нравственность, бандитские честность, порядочность, достоинство. И забываем, забываем, а потом и отвергаем истинную честность, истинную порядочность, великодушную и снисходительную, порядочность без насилия.

Все, Павел Николаевич, все, дорогой... Хватит. А то что-то ты уж больно круто взялся за наше многострадальное общество. Пафнутьев сел за свой стол, придвинул телефон, набрал номер.

– Гражданин Халандовский?

– Он самый, – раздался в трубке неуверенный голос.

– Гостей ждете?

– Гостям всегда рады, Паша.

– Едут к вам гости, едут.

– С ветерком? – улыбнулся Халандовский в предчувствии приятной беседы.

– С ветерком и навеселе, – решительно ответил Пафнутьев и, положив трубку, направился в угол, где на стоячей вешалке просыхал намоченный под утренним дождем плащ.

Далеко Пафнутьев не ушел, не удалось ему быстро добраться до Халандовского и отвести душу после утренней нервозности с Анцыферовым. Едва он сбежал со ступенек прокуратуры, как навстречу ему шагнул оперативник.

– Разговор есть, Павел Николаевич, – сказал Николай, протягивая руку. – Интересный, между прочим, разговор.

– Прямо сейчас, прямо немедленно?

– Как скажете, Павел Николаевич...

– Ладно, – вздохнул Пафнутьев. Не было у него ни желания, ни сил снова возвращаться в прокуратуру. Он с тоской оглянулся на крыльцо, с которого только что спустился, посмотрел на поджидавшую его машину, и, наконец блуждающий его взор уперся в улыбающееся лицо оперативника. – Ладно, Коля... Поговорим по дороге, – он махнул рукой Андрею в машине, дескать, пойду пешком. Поднял воротник плаща, сунул руки в карманы, ссутулился, сразу сделавшись похожим на несчастного, забитого жизнью служащего какой-то захудалой конторы. – Что у тебя?

– Цыбизова.

– Помню, Изольда Федоровна. Жива?

– Жива, но я не думаю, что так будет продолжаться слишком долго. За последние три года она застраховала двадцать семь машин. Из них двенадцать – наиболее престижные. «Девятки», «восьмерки», «семерки»...

– Из них угнано? – спросил Пафнутьев.

– Семь. Из двенадцати.

– Неплохой показатель. А остальные машины?

– Хлам. По-моему, хозяева даже мечтают, чтобы их машины угнали, чтобы получить страховку...

– Если мечтают, значит, угонят. Не угонщики, так сами. Насобачились. Дурное дело нехитрое. Что Цыбизова? Ты любишь ее по-прежнему?

– Гораздо меньше.

– Что так?

– Хахаль у нее. На черном «Мерседесе». Со спутниковой связью. С баром и телевизором. С водителем и телохранителем.

– А чье тело он хранит?

– Тело хахаля.

– Как его зовут?

– Байрамов. Морда жирная, зуб золотой, улыбка до ушей, волосы в бриолине. Слышали о таком?

– Немного. Тебе за ним не угнаться.

– Да уж понял, – хмыкнул Коля, поправил клеенчатую кепочку, перепрыгнул через неглубокую лужу на тротуаре. – Розы подарил нашей красотке, целый букет. Тысяч по пятнадцать-двадцать за штуку. Специально пошел на рынок и спросил цену... Так что букет ему обошелся тысяч в двести.

– Молодец, – одобрил Байрамова Пафнутьев. – Я думал о нем хуже. Если тратит такие деньги на цветы женщине... Хороший человек. А что Цыбизова, не обижает его, не огорчает?

– Нет, с этим у них все в порядке.

– Не мелькал ли в их компании невысокий широкоплечий парень с короткой стрижкой, в темной одежде, с неприветливым выражением лица?

– Мелькал. Его зовут Амон. Он у этого Байрамова не то охранником, не то водителем...

– Что же он так неосторожно, что же он так опрометчиво, – пробормотал Пафнутьев. – Так нельзя, дорогой.

– Вы о ком, Павел Николаевич?

– О Байрамове. Он совершенно не уважает противника, он не берет его в расчет. Это плохо. Так нельзя.

– Может быть, он и не подозревает о существовании противника?

– Да, скорее всего... Послушай, Коля... Тебе это больно, я знаю, но все-таки... У этого Байрамова с Цыбизовой... Постель? Дела? Торговля?

– По-моему, всего понемногу. И постель, и дела.

– Не ошибаешься?

– Влюбленное сердце не обманешь, – горестно Николай постучал по тому месту, где, как ему казалось, у него билось влюбленное сердце.

– Зомби у нее больше не появлялся?

– Вроде нет.

– Сама она спокойна, как и прежде? Порхает? Щебечет? С ветки на ветку?

– Я перемен не заметил. Разве что появился Байрамов... Морда широкая, зуб золотой...

– Ты уже говорил. – Пафнутьев остановился под козырьком заколоченного киоска. Его, похоже, облюбовали какие-то бойкие торгаши, но развернуться им не дали – киоск подожгли, внутри он выгорел дотла, но его железный каркас, сработанный из железнодорожного контейнера, уцелел. По городу в последнее время появилось немало таких вот выгоревших помещений – подвалов, ларьков, изготовленных из гаражей, арки в старых домах, заложенные кирпичом и оборудованные под магазины. Народ продолжал бороться за социальную справедливость так, как он ее понимал. Поджигатели оставались непойманными, продавцы не жаловались, а сумма ущерба не интересовала ни тех, ни других. А Пафнутьев знал наверняка, что частенько продавцы и поджигатели – одни и те же лица. Заметали следы ребята, заметали следы старым дедовским способом – «красного петуха» под собственный зад. Ищи-свищи-доказывай!

– Разбегаемся? – спросил оперативник, истомившись в затянувшемся молчании.

– Подожди. – Пафнутьев с привычным безразличием на лице смотрел на пробегающих прохожих, на лужи, на неиссякающий поток машин. – Послушай, – повторил он и опять замолчал.

– Слушаю внимательно, – улыбнулся оперативник.

– А не сделать ли нам такую вещь... Не провернуть ли нам такую забавную штуку...

– Не возражаю, – опять поторопил Пафнутьева собеседник.

– Не суетись... Такая вот мыслишка посетила... А не поставить ли нам под окна Цыбизовой машину? Хорошую машину, «девятку», а? В приличном состоянии, с небольшим пробегом, а? Поставить ее так, чтобы она с улицы не видна была, но из окон Цыбизовой – как на ладони? Если они действительно завязаны на угонах, у них же зуд по всему телу начнется на второй день!

– Ловля на живца?

– Да, но машина должна быть под круглосуточным наблюдением.

– Можно проще... Установить график, чтобы «девятка» стояла, к примеру, под ее окнами только с семи до девяти вечера. Дескать, кто-то к кому-то приезжает каждый день на это время. И потом опять уезжает. Она человек грамотный и на второй же вечер все поймет – приезжает любовник к девице-красавице. Пока они воркуют, машина стоит. И на эти два часа подключать ребят – пусть бы присмотрели.

– Да, так лучше.

– Тут в другом опасность... А если они в самом деле ее угонят? Не расплатимся, Павел Николаевич.

– Придумай с ребятами что-нибудь... Мотор, к примеру, не заведется. Или тормоза не сработают. Или рулевое управление откажет... Ведь технически это осуществимо?

– Вполне. Уж если подобные вещи случаются с исправными машинами, то здесь и сам бог велел. Нашкодить сумеем. Починим ли потом, трудно сказать, но сломать сломаем.

– И с завтрашнего вечера машина будет стоять?

– Если поднатужиться, то можно уже и сегодня выставить нашу «девятку» на обозрение.

– Поднатужься. Если что понадобится – подключай меня.

– Вечером позвоню, доложу, – оперативник протянул руку.

– Давай, Коля. Вперед и с песней. – Пафнутьев крепко пожал холодную мокрую ладонь оперативника и, поддержав поднятый воротник плаща, шагнул под мелкий дождь.

Не сложилось у Андрея с Викой, не сложилось. То ли она слишком уж отличалась от Светы и любое ее слово его как-то задевало, то ли слишком уж он близко принял Свету как единственно возможную для него женщину, и все, что с ней было связано, воспринималось им как некая истина, с которой можно только сравнивать. А скорее всего, не отошел он еще, продолжал жить событиями прошлого года, даже не замечая этого.

Поначалу он вообще не воспринимал Вику всерьез. Появился рядом человек, ну и пусть. Вроде неплохой человек, красивая девушка, не дура, не злобная, не спесивая. Но он не мог избавиться от ощущения, что все стоящее, что у него могло бы быть в жизни, уже было, и теперь возможны только заменители, протезы истинных чувств. По молодости Андрей не знал еще, что не бывает единственной любви, не бывает единственно правильных чувств. Все возвращается, многое повторяется с какими-то отклонениями от того образца, который ты познал в самом начале своей жизни. К Вике он относился явно без трепета, скорее терпя ее, как терпят шаловливого щенка, готового в любую минуту опрокинуться на спину, лизнуть в щеку, куснуть за палец, но решительно отодвигают в сторону, когда он становится слишком уж докучливым.

Изменилась Вика за последний год, сильно изменилась. Люди, знавшие ее раньше, узнавали с трудом. Исчезли торчавшие в стороны малиновые волосы, сделавшись мягкими и светлыми, они покорно улеглись на плечи. Лежали в шкафу среди старого хлама сверкающие химическими красками колготы, свисающие до колен свитера. Теперь на ней был строгий серый костюм, белая блузка, а вместо кроссовок с вывернутыми наружу языками на ногах у Вики были черные кожаные туфельки на невысоких каблуках. Она и внутренне изменилась – сделалась строже, сдержаннее, к ней уже невозможно было обратиться панибратски, похлопать по плечу или еще по какой-нибудь соблазнительной части тела, а этих самых соблазнительных

мест, как это заметил Пафнутьев еще в прошлом году, у нее стало еще больше, поскольку всепоглощающий свитер валялся без дела.

Вика понимала, что Андрею в его состоянии сейчас нужен не вызов, не бравада, не девушка своя в доску. Она должна была стать просто красивой женщиной, которая понимает его лучше, чем кто бы то ни было. После той ночи, когда он остался у нее и казалось, что все определилось надолго, если не навсегда, Андрей попросту исчез. Он почувствовал, что в чем-то важном она сильнее его, отчаяннее, готова идти дальше без раздумий и колебаний. Он так не мог. Но не мог признать и ее превосходства. Скорее всего, истина находилась где-то здесь, где-то рядом.

Она не звонила Андрею, а вот к Пафнутьеву время от времени заглядывала. Чувствовала Вика, понимала, что Пафнутьев видит ее насквозь со всеми слабостями, желаниями и что она ему нравится. Да он этого и не скрывал, говорил открытым текстом, но так решительно, что его слова вполне могли сойти за шутку. Но Вика знала – у его слов только форма шутливая, только форма, что Пафнутьев все говорит всерьез.

Придя к нему в очередной раз, Вика заглянула в дверь и, увидев посетителя, хотела было тут же скрыться, но Пафнутьев остановил.

– Заходи, Вика! – крикнул он даже с некоторой поспешностью. – Этот человек долго не задержится, он уже попрощался.

И действительно, едва посетитель услышал эти слова, тут же поднялся, поклонился, прижав красноватые ладошки к груди, словно прося простить его за неуместность появления, и, пятясь, пятясь, отошел к двери, открыл ее не то задом, не то спиной и с тем пропал.

– Я не помешала?

– Помешала, – кивнул Пафнутьев. – Ему помешала. А меня спасла. Это наш эксперт. Он приходил взять денег на водку, а тут ты. Лишила его всех планов и надежд.

– Но не навсегда же?

– Нет-нет, он через пять минут опять заглянет сюда, узнать, не ушла ли ты. Но ты ведь не уйдешь через пять минут?

– Надеюсь продержаться.

– Эх, Вика, Вика, что ты с собой делаешь, – простонал Пафнутьев, усаживая гостью к приставному столику. – Негуманно ты себя ведешь. Можно сказать, даже безжалостно.

– А что я такого делаю? – она испуганно заморгала.

– Хорошеешь, – скорбно произнес Пафнутьев.

– Ну ладно... Больше не буду!

– Я тебе таких указаний не давал, таких пожеланий не высказывал. Поэтому не надо. Хорошела до сих пор? Вот и продолжай этим заниматься. Я не знаю более достойного занятия для красивой женщины.

– Это вы обо мне?

– А о ком же еще? – Пафнутьев пошарил глазами по кабинету. – Других тут не вижу.

– Ох, Павел Николаевич, если бы мне об этом напоминали хотя бы изредка!

– Я готов этим заниматься с утра до вечера, – твердо заверил Пафнутьев.

– А что мешает? – спросила Вика без улыбки, и их взгляды встретились. Оба были серьезны.

– Я человек служивый, – спрятался Пафнутьев за шутку. – Было бы указание.

– Считайте, что вы его уже получили.

– Ох, Вика... Все эти твои штучки заставляют мое сердце время от времени попросту останавливаться.

– Какие штучки, Павел Николаевич? – И Вика так захлопала невинными своими глазами, что сердце Пафнутьева и в самом деле готово было остановиться. Но он решительно взял себя в руки.

– Не надо нас дурить, Вика. Не надо нас дурить. Знаешь, какой я умный? Ты даже представить себе не можешь, какой я умный. Иногда самого ужас охватывает.

– Представляю, – сказала она, закинув ногу на ногу.

– Боже! – воскликнул Пафнутьев.

– А что такое? – не поняла Вика.

– Да у тебя, оказывается, и коленки есть! И какие коленки!

– Какие есть, – скромно сказала Вика, одернув юбку.

– Что Андрей? – спросил Пафнутьев, отлично сознавая, что этого вопроса задавать не следовало, но он решил быть честным по отношению к своему юному другу.

– Не знаю, – холодно ответила Вика, ответила не только на этот вопрос, но и на все последующие, связанные с Андреем, связанные с кем бы то ни было, кроме Пафнутьева. Он понял. Помолчал.

– Ну ничего... Никуда он, бедолага, от нас не денется. Все хорошо, Вика. Знаешь, у законченных наркоманов, да и у начинающих тоже, бывает так называемая ломка. Это когда заканчивается действие одной дозы наркотика, и уже хочется, мучительно, нестерпимо хочется новой дозы. Страдания человек испытывает совершенно невероятные. Вот и у него сейчас идет такая ломка.

– Сколько же ему можно еще ломаться?

– Это от него не зависит, это от организма. Как природа-мама определит, так и будет. А мы со своими жалкими потугами во что-то вмешаться, что-то изменить, ускорить, замедлить... Можем только помешать. Он чувствует, что прежний наркотик кончился, действие его ослабло, но боится себе же признаться в этом. Ему кажется, что здесь есть что-то нехорошее. Он ошибается. Тут все нормально. Так и должно быть. И никак иначе.

– Павел Николаевич, – проговорила Вика каким-то другим тоном, – скажите лучше... Как выживаете? Что вас тревожит, что радует, что тешит?

– На все твои вопросы отвечаю одним словом – Амон. Твой сосед. Меня радует, что удалось познакомиться с ним довольно плотно, но меня тревожит то, что некоторые люди, – он поднял глаза к потолку, – выпустили его... Напрасно. Ох, напрасно. Но меня тешит полная неопределенность – они не знают, как им быть дальше... Ну да ладно. А тебя он не тревожит?

– Пока нет... Пропал куда-то. Вся компания съехала с квартиры. Тишина.

– Они в самом деле съехали или просто затихли?

– Съехали. Я на их двери укрепила волос... Если бы дверь хоть раз открылась, я бы сразу это поняла. Не открывалась. Мой волос все эти дни остается на месте.

– Легли на дно, – сказал Пафнутьев с огорчением. – Ну ничего, проявятся, крючок мы забросим уже сегодня вечером. Ключнут. Или, лучше сказать, проклянутся. Тебе не хочется поменять квартиру? Я бы мог посодействовать.

– И это советуете вы? Начальник следственного отдела?

– Да, Вика. Это советует тебе начальник следственного отдела. Человек, который кое-что знает.

– А им вы не хотите посоветовать поменять квартиру? Посодействовать в этом? На более удобную, с зарешеченными окнами, с хорошей охраной, с регулярной кормежкой? А, Павел Николаевич?

– Именно над этим и работаю.

– Успешно?

– Очень.

– Тогда я остаюсь в своей квартире.

– Смотри, Вика... Мне бы спокойней спалось, если бы я знал, что ты не рядом с ними...

– Павел Николаевич, – весело рассмеялась Вика. – Вы вынуждаете меня говорить неприличные вещи... Мне бы тоже спокойней спалось, если бы я знала, что вы рядом! Игра слов, да?

– Видишь ли, – смутился Пафнутьев и довольно заметно покраснел, – в каждой шутке есть только доля шутки.

– А все остальное? Правда?

– Да. Шутка – это только форма. А содержание... Содержание остается неизменно суровым. У меня тоже напрашиваются игривые слова... Но мне не хотелось бы их произносить игриво... А то мы все шутим, шутим, все боимся, как бы нас всерьез не приняли, как бы...

Резкий телефонный звонок прервал Пафнутьева.

– Слушаю, – сказал он уже другим голосом, суховатым и требовательным.

– Тут опять наш приятель не очень хорошо себя ведет, – Пафнутьев узнал голос стукача Ковеленова.

– И в чем это выражается?

– Зверское избиение без видимых на то оснований, – помолчав, ответил Ковеленов. – Не знаю, выживет ли...

– Кто? – недовольно спросил Пафнутьев. Что-то не нравилось ему в сегодняшнем разговоре со стукачом, что-то настораживало. Ковеленов явно выпадал из своего обычного, чуть снисходительного, насмешливого тона. Впрочем, это могло объясняться и необычностью обстановки, неудобством расположения телефонной будки, мало ли чем еще...

– Жертва, – ответил Ковеленов напряженным голосом. Обычно он говорил легко, как бы слегка посмеиваясь и над собой, и над той таинственностью, к которой прибегали оба, скрывая ото всех на свете свою связь, свое сотрудничество. Так уж у них установилось с самого начала – даже самое важное сообщать походя, бесцветным голосом, с улыбкой, а то с этакой кривоватой ухмылкой, какая бывает у людей, жалующихся на несварение желудка, запор или еще какую-нибудь хворь, о которой в приличном обществе и сказать-то неловко.

– Я там нужен? – спросил Пафнутьев.

– Решайте... Думаю, для общего образования и не помешает... А там уж вам виднее, как оно и что.

Пафнутьев все больше настораживался. С одной стороны, сам звонок говорил о том, что Ковеленов продолжает работать, сообщает ему о местонахождении человека, которого он ищет, и в то же время в его словах явно звучало какое-то замаскированное предостережение.

– Из наших там есть кто-нибудь?

– Есть... Но они, по-моему, не знают, как им поступить, как жить дальше...

– Они его взяли?

– Повода не находят. Вот если помрет, или еще чего пострашнее с ним, то есть с жертвой, случится, тогда, глядишь, и это самое... – продолжал мямлить Ковеленов.

– Мне кого-нибудь прихватить с собой?

– Не помешает, хотя хватает тут вашего брата, – ответил Ковеленов с легкой, но четко услышанной заминкой. И Пафнутьев еще больше озадачился – такая заминка проскакивает, когда человеку кто-то подсказывает, что говорить.

– Ты там один?

– Нет.

– Кто еще?

– Да много разных...

– Кого много? Твоих ребят, моих, случайных?

– Всех хватает.

– Ничего не понимаю! – резко сказал Пафнутьев в трубку.

– Я тоже.

– А сам-то ты не попался?

– Трудно сказать...

– Даже так... Хорошо... Еду.

– Может, не стоит? – произнес Ковеленов странно вымученным голосом и этим окончательно сбил Пафнутьева с толку.

– Приеду разберусь. Откуда звонишь?

– Тут телефон случайно целый оказался, как раз в тылу кинотеатра «Пламя». Сквер, скамейки, мокрые, правда, замоченные, деревья... И будочка телефонная стоит... Дверь сорвана, стекла выбиты, как после бомбежки, а телефон, как ни странно, работает... Я возле большой клумбы, здесь в центре сквера большая клумба с красными цветами, они, по-моему, и зимой красным цветом цветут...

– Знаю!

– Вот здесь и развернулись печальные события, – уныло тянул Ковеленов.

– Для кого печальные?

– Для меня, конечно. А потом... Потом, кто его знает, кого эти события засосут, затянут, поглотят...

– Ладно, еду.

– Мне подождать?

– Подождать, но в сторонке. В дело не лезь. Вообще постарайся не возникать.

– Нам всем этот совет не мешает, – произнес Ковеленов загадочные слова, но пока Пафнутьев соображал, как их понимать и что за ними стоит, он сам уже положил трубку. Помолчал, глядя в телефонный диск. Что его насторожило в этом разговоре, что было непривычным? Ковеленов говорил о клумбе с красными цветами и сказал, что они, по его мнению, цветут чуть ли не всю зиму... Непонятно. Ковеленов в разговоре допустил какой-то сбой, нарушение связности... Но Ковеленов не допускал сбоев. И проскочило у него еще одно словечко – замоченные скамейки. Замоченная, значит, насильственно убитая скамейка? Или он просто нашел возможность вставить в разговор само слово – «замоченный»? То есть убитый. Кто убитый? Он сам, Ковеленов? Но я с ним разговаривал, и это был именно Ковеленов... Кто же еще убитый, о ком он открыто сказать не мог?

Пафнутьев наскоро попрощался с Викой и вышел на улицу. В сквере, расположенном в тылу кинотеатра «Пламя», он был через пятнадцать минут. Кинотеатр стоял пустой, облезлый, афиш не было, фильмы здесь давно не крутили. Как и во всем городе – явные следы запустения, разложения, умирания страны. В громадных стеклах здания он увидел лишь разноцветные блики заморских машин – из кинотеатра устроили автосалон. Но возле здания Пафнутьев ничего странного, неожиданного не увидел. Бродили мокрые парочки под зонтиками, по привычке приволокшись к кинотеатру, на остановке троллейбуса сидели старухи с двухколесными сумками, набитыми пустыми бутылками, – видимо, возвращались с промысла по окрестным кустам. Старухи смотрели прямо перед собой уставшими от жизни глазами, и никакого волнения на их сморщенных лицах Пафнутьев не обнаружил. Где-то в глубине сквера топтались несколько парней в кожаных куртках... Прогуливал какую-то мокрую несчастную болонку старик с тростью.

И все.

Пафнутьев удивился, еще раз обошел вокруг холодного кинотеатра – ни драки, ни скопления народа, ни самого Ковеленова он не увидел. Пройдя по дорожке в сторону клумбы, он нашел телефонную будку, о которой говорил Ковеленов. Все правильно – дверь сорвана, стекла выбиты, но трубка... Тут он столкнулся с первой неожиданностью – трубка висела как-то уж очень безжизненно, так работающие телефоны не выглядят. Он подошел поближе, заглянул за будку. Все нормально – грязь, пакеты, небольшой филиал общественного туалета. Пафнутьев вошел в будку, взял трубку, послушал – она молчала. Телефон не работал. И похоже, не работал уже давно. Разбитые стекла, прожженный, расплавленный сигаретами диск, гвоздь, безжалостно вколоченный в монетную щель... Видимо, здесь самоутверждалось молодое поколение, выбравшее пепси-колу и рыночную экономику.

Пафнутьев уже хотел было выйти из будки, но не успел – сильный удар по затылку сразу пригасил и восприятие, и желание сопротивляться. Последняя связная мысль его была словно для протокола осмотра места происшествия: «Сильный удар в затылочную часть головы твердым тупым предметом, предположительно молотком».

И он медленно сполз на мокрое дно будки.

Пафнутьев уже не видел, не ощущал, как прямо по аллее к будке бесшумно подъехала черная легковая машина и двое ребят в кожаных куртках, которые совсем недавно без дела топтались у рекламного щита, подхватили его под руки и, не церемонясь, затолкали на заднее сиденье. Дверца захлопнулась, машина дала задний ход и, бесшумно проехав сотню метров по пустынной аллее, усыпанной ракушечником, соскользнула на проезжую часть.

Старухи, сидевшие на троллейбусной остановке, ничего не заметили, ничем не взволновались – продолжали смотреть прямо перед собой, положив на сумки-коляски тяжелые руки со вздувшимися венами. Продолжал мерно вышагивать старик с мокрой болонкой, а парочки под зонтиками целовались, шептались и касались друг друга холодными молодыми щеками.

...Пафнутьев приходил в себя медленно, словно бы по частям. Первое, что он ощутил, был холод, озноб во всем теле. Наверно, холод и ускорил возвращение сознания. Было такое ощущение, словно все тело оведал холодящий сквознячок. Пафнутьев понял, что он раздет. Это его озадачило, и он начал настойчиво пробиваться к сознанию, пытаясь понять, как он оказался в таком положении, что произошло. Постепенно вспомнил разговор с Ковеленовым, кинотеатр «Пламя», там связные воспоминания обрывались. Значит, там меня и прихватили, подумал он. И тут же в памяти всплыл металлический каркас телефонной будки, куда его заманили и откуда он уже не смог выйти сам. Из будки его уже выволакивали.

Попытавшись открыть глаза, Пафнутьев ощутил тяжесть век и понял, что один глаз его подбит. Это уже хорошо, Павел Николаевич, если так дальше пойдет, вспомнишь, кто ты есть на этом свете. Открыв уже оба глаза, осмотревшись, он понял, что раздетый лежит на полу. Под ним нет никакой подстилки, нет даже простыни. Шея затекла, рука, придавленная тяжеловатым телом, онемела. Пафнутьев попытался было как-то ее высвободить, но это ему не удалось. Сделал еще одну попытку, еще, пока не понял – на его запястьях наручники. Ноги тоже оказались связанными так, что он не мог сдвинуть одну ногу относительно другой. Это могло означать только одно – ноги скрутили проволокой.

Как раз напротив его лица светилось окно, шторы были отдернуты в сторону. Пафнутьев не увидел за окном никаких подробностей – ни ветвей деревьев, ни столбов, ни проводов. Значит, он в квартире большого дома, на каком-то этаже, не ниже шестого. Так и есть – из-за стены послышался еле уловимый, но все-таки различимый гул лифта. Но были и другие звуки, раздражающе громкие, словно изрубленные ритмичными ударами. Прошло какое-то время, прежде чем Пафнутьев понял – работает телевизор. Медленно, по миллиметру сдвигая голову в сторону, он наконец смог увидеть и экран, с которого неслись безудержно радостные вопли. Понятно, наступило время бездумных воплей, под которые тряслись, корчились, подпрыгивали и извивались эстрадные исполнители. Пафнутьев застонал и попытался снова вернуть голову в прежнее положение, чтобы не видеть беснующейся на экране толстой негритянки с потной спиной и вислым животом. Но когда экран закрыла не то ножка стола, не то чья-то нога, он с новой силой ощутил боль в левой части затылка.

Опять слева, подумал Пафнутьев, но почему именно боль слева его озадачила, вспомнить не мог. Просто пробормотал про себя – опять слева. Наверно, простонал он слишком громко, потому что совсем рядом возникло движение, что-то пошевелилось перед его лицом на фоне светлого квадрата окна. И лишь заметив это движение, Пафнутьев понял, что он в комнате не один. Всмотревшись, он увидел за столом человека – тот, по всей видимости, и смотрел на мелькающий экран телевизора.

Подвигав кожей головы, Пафнутьев еще раз убедился, что удар нанесен сзади, в левую часть затылка, причем сочащаяся из раны кровь пропитала волосы, и они прилипли к полу.

– Что, начальник, жив? – услышал он голос, показавшийся ему знакомым, но вспомнить, где он слышал этот голос, кому он принадлежал, Пафнутьев не смог. – Совсем слабый начальник пошел... – Не дождавшись ответа, человек за столом отвернулся.

Едва пробудившись, сознание быстро возвращалось к Пафнутьеву. Он уже видел вокруг себя комнату, довольно захламленную, хотя и пустоватую. Кроме стола, телевизора в углу и дивана, в комнате ничего не было. Так бывает в квартирах, где живут недолго, временно, ничем себя не связывая и при необходимости съезжая за десять минут. Человек за столом, похоже, что-то ел. Да, так и есть. Глядя в экран телевизора, в мелькающие черные тела, человек время от времени отрезал ножом кусок колбасы и совал его в рот. На экран он смотрел с полнейшим равнодушием, просто для того, чтобы хоть за что-то зацепиться взглядом. Ни Пафнутьев, ни его состояние его, похоже, не интересовали.

– Давай-давай, – проговорил он через некоторое время. – Оживай... Тебе пора уже и ожить. Повреждения, конечно, есть, в таких делах без повреждений не бывает... Но для жизни не опасно.

– Думаешь, пора? – спросил Пафнутьев только для того, чтобы произнести какие-то слова и убедиться, что у него это получится. А кроме того, ему хотелось вовлечь человека в разговор, заставить его еще что-то произнести и вспомнить, вспомнить наконец, кто это, при каких обстоятельствах они встречались. И еще не вспомнив, он вдруг с ужасом осознал, что это враг, смертельно опасный, безжалостный, и что, скорее всего, его, Пафнутьева, ждет самое страшное, что можно себе вообразить.

– Не могу же я тебе делать маленький чик-чик просто так... – Говоривший не отрывал взгляда от телевизора, не прекращал медленно жевать, и в словах его не было ни гнева, ни угрозы, ни злости. Лишь будничная раздумчивая озабоченность – в самом деле, резать человека в бессознательном состоянии нехорошо, неинтересно. – Ты должен видеть, понимать, – он сунул в рот очередной кусок колбасы, – тебе надо знать, что происходит, почему, зачем, чем все закончится...

– А чем закончится?

– Хороший вопрос, – человек за столом удовлетворенно кивнул. – Плохо закончится... Резать буду. Ты же и сам понимаешь, что отпускать тебя никак нельзя.

Пафнутьев закрыл глаза, чтобы не видеть беснующихся на экране негритянских тел, подсвеченных разноцветными фонарями. Он узнал человека за столом.

Это был Амон.

Вот почему у него затылок поврежден с левой стороны... Как же ты, Павел Николаевич, влип, как же ты попал сюда, такой предусмотрительный да проницательный? И внезапно в памяти возник Ковеленов. Да, позвонил Ковеленов и сказал, что происходит непонятное, невнятное... И он, как последний дурак, помчался узнать, что же там непонятного происходит. Узнал, ублажил свое любопытство, пижон недорезанный. Теперь-то, похоже, недорезанным тебе отсюда никак не выбраться. По кускам, похоже, тебя выносить будут. Ковеленов... Он был многословнее, чем обычно... И еще... Он несколько раз намекал об опасности... Замоченная скамейка, клумба с кроваво-красными цветами, стоящими всю зиму... Более внятно он сказать не мог, наверняка во время разговора сзади стоял Амон, уперев нож под лопатку... Тут особенно не поговоришь. Эх, был бы Андрей. С этим Амоном он управляется на удивление легко. Значит, вначале они просекли Ковеленова, видимо, тот перестарался, засветился... Прокололся. Выдать им Ковеленова никто не мог, поскольку о нем никто не знал. Или все-таки знали? Похолодел Пафнутьев от этой мысли. Неужели Анцыферов? Да, он мог знать...

– Ну что, начальник, все вспомнил? – спросил Амон, не отводя взгляда от экрана.

– Ничего не помню. – Пафнутьев попытался лечь поудобнее, но ничего у него не получилось. Скованные наручниками руки, связанные ноги не позволяли даже повернуться с боку на бок.

– Не надо шевелиться, – сказал Амон. – Не люблю, когда шевелятся.

– Ладно, – проворчал Пафнутьев. – Любишь не любишь...

Амон поднялся из-за стола, его ноги приблизились к самому лицу Пафнутьева. Тот увидел совсем рядом узкие носки начищенных туфель. Вот один из носков как бы оторвался от пола и с силой ткнулся ему в зубы. Но не слишком сильно. Пафнутьев почувствовал резкую боль, вкус крови во рту.

– Нехорошо лежишь, – пояснил Амон. – Я не бью тебя, начальник, я только поправил немного, чтоб тебе удобнее было. А то голова у тебя была повернута некрасиво, будто она уже немного отрезана. А сейчас голова красиво лежит... Как живая. – Он хмыкнул, и черные остроносые туфли отдалились. – Плохо вспоминаешь, старый, наверно, стал, – донеслось до Пафнутьева уже из коридора. – Совсем старый, негодный... Женщины тебя любили, начальник?

– Они и сейчас меня любят.

– Нет, сейчас они тебя уже не смогут любить... Как можно любить отдельно голову, отдельно туловище...

Пафнутьев промолчал. В словах Амона все время прорывались страшноватые намеки, но он убеждал себя, что тот просто пытается его припугнуть. Но понимал Пафнутьев, ясно понимал – Амону действительно нельзя выпускать Пафнутьева живым.

– Сейчас покажу тебе одну вещь, начальник, одну такую веселую картинку. И ты сразу все вспомнишь, сразу голова твоя станет умной. – Амон прошел, по всей видимости, в ванную и тут же появился в комнате с каким-то свертком. Вначале Пафнутьев лежал с закрытыми глазами, а когда шаги Амона приблизились к самому его лицу, подумал, что сейчас будет удар, и даже зажмурился от предчувствия. Но удара не последовало. Открыв глаза, он увидел Амона с каким-то несуразным свертком. Слабый шелестящий шорох раздался совсем рядом, возле его лица опустилась какая-то тяжесть. Что это, зачем, как понимать? Пафнутьев сообразить не мог.

Красноватый целлофановый пакет стоял на полу.

Пафнутьев понял.

И содрогнулся от ужаса.

В пакете лежала окровавленная человеческая голова. Лица он не мог различить, но что это голова с пропитанными кровью волосами, в этом сомнений не было.

Глаза у головы были полуприкрыты, рот искажен, других подробностей сквозь целлофановую пленку Пафнутьев различить не мог.

– Кто это? – спросил Пафнутьев, делая безуспешные попытки отодвинуться от жутковатого свертка.

– Не узнаешь, – с огорчением проговорил Амон.

И, присев, начал медленно разворачивать сверток. Пафнутьев сжался в ужасе, и желая знать все до конца, и в то же время опасаясь этого. Он уже стал понимать, что не зря, не случайно Амон приволок из ванной эту голову, что имеет она для него какое-то значение, именно для него, для Пафнутьева.

На Амоне была белая рубашка с длинными незастегнутыми рукавами, и пакет он разворачивал осторожно, стараясь не запачкаться. И наконец весь целлофан сдвинут вниз...

Пафнутьев с трудом, но узнал, узнал отделенную от туловища человеческую голову.

Это была голова Ковеленова.

– Ну вот теперь узнал... – удовлетворенно проговорил Амон. – Да, это твой человек. Нехорошо он повел себя, какой-то любопытный. И помощник плохой... Мне сказали, что он на тебя работает, я вначале не поверил... Ножичком его немножко поколол, он и признался...

Слабый человек, – приговаривая, Амон опять выровнял пакет и, взяв его за верх, отнес в ванную. – Никто не узнает, что за человек такой был, никто искать не будет... И виноватых нету, правильно, начальник?

Пафнутьев, как никто другой, знал о зловещих находках, которые все чаще попадались и в самом городе, и в окрестностях.

На свалках, в мусорных ящиках, в урнах, даже в автобусах и троллейбусах находили сумки, мешки, рюкзаки с частями человеческих тел.

Начинать следствие по этим находкам было почти невозможно, проходили иногда недели, месяцы, прежде чем тело удавалось собрать по частям, а уж о том, чтобы опознать его, установить, как звали этого бывшего человека...

Раньше, всего несколько лет назад, такого не было. Наступила какая-то новая, невиданная степень озверения в обществе. Обычная ссора, причин которой потом никто и вспомнить не может, приводила к самым страшным последствиям – удар кухонным ножом, удавка из проволоки, в ход шли утюги, как горячие, так и холодные, молотки, топоры для разделки мяса. А протрезвев, увидев последствия своего минутного гнева, человек, естественно, думал над тем, как избавиться от трупа. И не придумывал ничего лучшего, как разделать его на куски и разбросать по городу.

А тут еще начались разборки между торгашами, авантюристами, бизнесменами первого поколения, между банкирами и кредиторами, поставщиками и покупателями, между транспортниками и производителями, ворами и скупщиками краденого...

В результате не было дня, чтобы где-то в городе не нашли руку, ногу, ухо. Самое напряженное время начиналось весной, при таянии снегов. Из снега появлялись такие жуткие находки, что народ цепенел и замыкался.

– Его уже ребята по частям разнесли, – пояснил Амон. – Голова только осталась. Я попросил, чтобы оставили голову, тебе хотел показать, порадовать.

– Ну, показал, порадовал, а дальше?

– Следом пойдешь, начальник.

– Это как? – спросил Пафнутьев, но похолодел внутри, потому что понял все, понял, но разум отказывался принять и согласиться с услышанным.

– Да вот так же.

– Неужели убьешь?

– Зачем убивать? – удивился Амон. – Какие-то слова ты, начальник, говоришь... Видел, как барашка разделывают? Нет? Разве его убивают? Нет. Его разделывают. Сначала горлышко, – Амон повертел в воздухе ножом, – потом надо кровь спустить... Ну, а уж в конце разделка.

– Ты же кровью все зальешь?

– Зачем тебе думать об этом, начальник? В ванне все сделаю. Кровь твою смою, а потом сам ванну приму... Понимаешь, только после этого я буду знать, что смыл позор. Буду лежать в теплой воде и думать, как по канализации течет твоя горячая, справедливая кровь... А! – воскликнул Амон, и глаза его сверкнули. До этого он говорил тусклым, безразличным голосом. И это было самым страшным. Амон не грозил, не устрашал, просто объяснял, что будет дальше, и по тому, как без интереса рассказывал, Пафнутьев понял, что так все и будет, ему совершенно безразлична жизнь Пафнутьева.

– Ты меня не убьешь, – произнес Пафнутьев, скорее успокаивая самого себя.

– Начальник, ты меня наказал... Сильно наказал. Несправедливо. Знаешь, что со мной в камере было?

– А что с тобой было?

– Не надо быть таким хитрым, начальник. Раньше надо было хитрить. Ты все знаешь. И что мне после этого делать? Как мне дальше жить?

– Не знаю... Сам виноват. Пропуск из прокуратуры был у тебя в руках.

– Э, начальник... Это все подробности. Главное то, что было, и то, чего не было. А ты знал, что будет в камере. Потому и отправил меня туда. Знал?

– Сам все испортил... – Пафнутьев отвечал чуть в сторону, не напрямую. А Амон, не получая прямого ответа, злился, терял самообладание, ему хотелось получить от Пафнутьева ясное признание вины.

– Ты знал, что бывает в камере с новичками?

– Пропуск был у тебя в руках.

– Ага... Не отвечаешь, – кивнул Амон. – Ну и не надо.

– Развяжи меня, – сказал Пафнутьев твердо, но знал – не будет этого. И в самом деле, Амон его слов попросту не услышал.

– Завтра утром твою голову найдут... Где ты хочешь, чтобы ее нашли? Могу выполнить последнюю просьбу. Хочешь – на базаре, в мусорном ящике среди гнилых отходов... Хочешь – в клумбе среди цветов... Очень красиво будет! Твой фотограф, этот алкоголик, хорошие снимки сделает. А хочешь, начальник, найдут твою голову в прокуратуре, а? Прямо на твоём рабочем столе. Очень будет интересно – голова есть, а где же остальное? Ха-ха! – рассмеялся Амон, но как-то мрачно, невесело.

Пафнутьев напрягся, пытаясь хоть немного ослабить путы на ногах, но связали его умело.

– Скажи, начальник, что испытывает барашек, когда режут его на шашлык? Не говори ничего, ты не знаешь. Барашек испытывает счастье и глубокую благодарность человеку, который его режет. Да, начальник, это точно, не сомневайся. Если его режут, значит, он участник общего праздника, несет людям радость, все счастливы, когда кушают хороший шашлык, когда кушают его печень, его яйца, поджаренные на костре... Барашка любят, говорят хорошие слова, пьют вино, улыбаются... а какая у барашка другая судьба? Заболеет и сдохнет где-нибудь в горах. Он будет валяться там, гнить, его кушают черви, растаскивают насекомые. Во все стороны расходится плохой запах, и все бы отворачивались от него, обходили бы стороной, говорили бы про него нехорошие слова. А если бы его задрал дикий зверь? Половину съел бы, половину выбросил, растащили бы его кишки по кустам вокруг... Это было бы лучше? Нет, начальник, барашек должен радоваться, когда видит хороший нож в руках умелого человека.

– Чего же тянешь?

– Звонка жду, – просто ответил Амон. – Должен один хороший человек позвонить. Как будет команда, так мы с тобой быстро все продедаем. Конечно, немножко больно, но недолго, совсем недолго. Самое неприятное ты сейчас, начальник, переживаешь, потом все и быстрее, и лучше. А сейчас ты ждешь, боишься, думаешь, может быть, Амону денег предложить, может быть, перед Амоном на колени упасть, а может, его немного напугать, и он отпустит... Нет, начальник, ничего этого делать не надо. Денег у меня хватает, еще нужно будет – завтра сделаю в десять раз больше. На колени тоже падать не надо... Я в камере на колени падал... Не сжалились. И пугать меня не надо. Поверишь, начальник, – ничего не боюсь. Ничего.

– Кто должен позвонить? – спросил Пафнутьев.

– Сказал бы, но не могу, не моя тайна. Ты его знаешь, ты много про него слышал хороших слов, читал про него, видел его по телевизору... А как зовут... Зачем тебе знать? Вот позвонит, я оттащу тебя в ванную, открою тебе горлышко, все лишнее стечет... Голову с собой унесу, а все, что останется, можно потом. На машине куда-нибудь забросим. К весне найдут.

– Недалеко от рынка со двора неделю назад машину угнали... И человека ножом убили. Сзади ударили, в спину. Твоя работа?

– Моя, – кивнул Амон, глядя на экран. – Он сам виноват... Сидишь с ребенком – сиди. Зачем в чужие дела лезешь? И машина не твоя, чужая машина. И людей не знаешь... Зачем лезешь?

– Наследил ты там, – обронил Пафнутьев.

– Не может быть... Я чисто работаю.

– Наследил, – спокойно повторил Пафнутьев. – Отпечатки пальцев оставил.

– Я ни к чему не касался!

– Касался. А полгода назад, на Никольском шоссе... Когда машина сгорела... Тоже ножом в спину... Твоя работа?

– Давно было, не помню... На Никольском шоссе? Машина сгорела? А, вспомнил... Он плохо поступал... Начал выведывать, высматривать, вопросы задавать... Настоящие мужчины так не поступают.

– А кто это был?

– Не знаю... Зачем мне знать? Но что могу сказать, скажу. Спрашивай, начальник. Ни на одном допросе я столько не скажу. Все выложу, только чтобы было тебе интересно в последние минуты жизни.

Что оставалось Пафнутьеву, как не спрашивать? В этом что-то забрезжило, если не спасение, то хотя бы какая-то оттяжка, отсрочка.

– Ты откуда?

– Ха, сам же сказал, что я с гор. Пусть будет по-твоему.

– Сколько вас?

– Безработных не держим, для дела сколько надо...

– Человек двенадцать, а думаю...

– Правильно думаешь... Я не считал, но что-то около того.

– Кто ваш шеф?

– А ты не догадался? Я же почти назвал его...

– Догадался.

– Вот и хорошо. Теперь ты и сам понимаешь, что жить тебе дальше нельзя.

– Похоже на то... Сколько машин берете в месяц?

– Через день получается. В среднем.

– Куда же вы их столько?

– О, начальник. – Амон поднялся, уменьшил звук телевизора, но совсем не выключил, из чего Пафнутьев заключил, что бесовские пляски на экране Амону не менее интересны, чем разговор с ним, с Пафнутьевым. – В какую сторону ни плюнь – граница. Прозрачная граница, начальник! А там другая милиция, другой прокурор, следовательно, гаишник... Деньги все любят.

– И все уходит туда?

– Иногда разбираем, когда есть возможность... Это еще выгоднее, дороже получается.

– Куда же тебе столько денег?

– Мне не нужно, другим нужно... Здесь обойдутся, там потребуются.

– Если деньги не нужны, зачем ввязался?

– Разве это вопрос... Как судьба решила, так и будет. Ты вот тоже ввязался зачем? Не знаешь. И я не знаю. Интересно стало – ввязался. Денег вволю, работа есть, ребята хорошие... Торговать не люблю, воровать не люблю, водку терпеть не могу... В карты не играю... Что остается делать?

– А женщины?

– А! Женщины мне нравятся... Почти все. Но я им не нравлюсь. За деньги идут на что угодно, что ни прикажешь, делают... Но мне так не нравится. А девочку вашу я все-таки трахну. – Амон лениво сунул в рот кусок колбасы. – И не хочется, а надо... Иначе жить не смогу. Все, кто руку приложил к моему позору, свое получают. И друг твой, этот каратист-шматист, кто он там, не знаю... Он тоже получит. Знаешь, что я сделаю? Я девочку эту вашу трахну у него на глазах. Чтоб они при этом друг дружке в глаза смотрели. А его в это время тоже будут трахать... Мы кончаем, а они друг другу в глаза смотрят... А на столе твоя голова будет лежать, красиво, да? – Амон рассмеялся.

Пафнутьева пробрала дрожь, но уже не от холода. Он понимал, что Амон все это может проделать. И ничто его не остановит, ни перед чем он сам не остановится. Ему и требуется такое вот запредельное издевательство, чтобы успокоиться и постараться забыть обо всем, что с ним случилось в тюремной камере.

– Прокурора еще в угол посади, чтобы и он все видел.

– Зачем? – удивился Амон. – Прокурор наш человек. Думаешь, он не знает, где ты сейчас? Знает.

– Сообщили? – спросил Пафнутьев.

– А как же... Через час он уже все знал. Правда, адреса не знает... Ни к чему ему это. Прокурор все-таки, неизвестно, как себя поведет.

– И что же он, обрадовался?

– Нет... Опечалился.

– Но слова произнес какие-то? – спросил Пафнутьев, не мог остановиться. То ли профессиональное чувство сыграло в нем, то ли больной, предсмертный интерес, желание знать все о своей собственной смерти, со всеми подробностями, которые ее сопровождают.

– Сейчас скажу, – Амон задумался. – Как же он сказал... Грамотно так... Человек образованный... Вспомнил! – обрадовался Амон. – А что, говорит, другого выхода не было? Не было, отвечает ему мой шеф. Я бы все-таки не стал этого делать, говорит твой прокурор. Но, знаешь, как сказал? Не очень настойчиво... Чтобы совесть свою успокоить.

– Думаешь, у него есть совесть?

– Есть, – кивнул Амон. – Но такая, знаешь... Тренированная. Вроде как презерватив – на любой член натянуть можно, в любую дырку затолкать...

– Да, это на него похоже, – согласился Пафнутьев с этой необычной характеристикой Анцыферова. – А Колов?

– И Колов знает. Наш человек, ты же сам видел, как он меня обнимал... Я у него в баньке парился... Сначала начальство, потом нам позволили.

– Значит, купил их твой хозяин? – произнес Пафнутьев без вопроса, скорее утвердительно.

– Ага, – кивнул Амон. – Купил. И не очень дорого... Жадные оказались. Еще хотят. Они все время хотят, им все мало, понимаешь? Даже когда не заработали – хотят. Но теперь им хорошо заплатят.

– За что?

– А за меня, начальник. Я же на свободе...

– Байрамов команду дал? – спросил Пафнутьев самым невинным голосом, на который был только способен, – в наручниках, со связанными ногами, лежа на голом полу.

– Не я же, – ответил Амон, не отрывая взгляда от телевизора. Потом как-то весь замер, медленно с улыбкой повернулся к Пафнутьеву, некоторое время смотрел на него с удивлением. – Хитрый ты, начальник. Очень хитрый. С тобою опасно разговаривать.

– Чего тебе бояться... С мертвецом разговариваешь.

– Я даже самому себе это имя не произношу. Ни вслух, ни в мыслях, понял? Много болтаете, все вам надо вслух называть, любую вещь, любого человека... Нехорошо это. О некоторых людях даже думать нельзя. Есть он, и все, понял?

Ответить Пафнутьев не успел, хотя и вертелся у него на языке неплохой вопросик, – резко зазвонил телефон. Амон, не торопясь, дождался, подошел к аппарату, поднял трубку.

– Да, это я, – проговорил он. – Слышу хорошо, – и после этих слов замолчал, вслушиваясь в то, что ему говорили.

Пафнутьев с замиранием сердца всматривался в Амона, понимая, что в эти вот самые секунды решается его судьба. Или же Амон примется немедленно отделять его голову от туловища, или же займется более срочными делами. Сознание Пафнутьева, натренированное, уме-

ющее улавливать малейшие отклонения в тоне разговора, определять скрытый смысл в молчании, позе человека, в самых невинных словах, на этот раз оказалось бессильным. Амон никак не выражал своего отношения к услышанному. Он не думал, не волновался, не сомневался, ни на чем не настаивал и ни от чего не отказывался, являя собой какое-то своеобразное записывающее устройство. Он просто слушал и время от времени каким-то звуком лишь подтверждал, что он на связи, все понимает и принимает к сведению.

– Хорошо, – сказал Амон наконец и положил трубку. На Пафнутьева он даже не взглянул, тот действительно был для него лишь барашком. А недавняя откровенность лишь подтверждала – участь следователя решена окончательно.

Амон посмотрел на часы, щелкнув лезвием ножа, сложил его и сунул в карман. Из прихожей он вернулся уже в кожаной куртке. Значит, собрался уходить, обрадовался Пафнутьев, но тут же его обожгла другая мысль: а если он уйдет отсюда уже с его головой? Амон, не глядя на пленника, прошел в другую комнату и оттуда вернулся еще с одним парнем – заспанным, всклокоченным, недовольным.

– Вставай, начальник, – сказал Амон бесцветным голосом. – Вставай, дорогой.

Пафнутьев не пошевелился.

Амон беззлобно, но сильно ткнул его ногой в лицо. Пафнутьев дернулся, попытался повернуться, но парни подхватили его под руки и поволокли в коридор. Пафнутьев изо всей силы рванулся, но единственное, что ему удалось, – он всем телом грохнулся на пол.

– Ай как нехорошо, как нехорошо, – смеясь, пробормотал Амон. – Послушай меня, начальник, если будешь себя плохо вести, твою голову никто не узнает. Она – вся опухнет, покроется синяками и ссадинами... Потом люди будут говорить... Ах, какой плохой Амон! Как он бил бедного начальника! А что мне сказать, как оправдаться? Сказать, что начальник сам бился головой об пол и совсем испортил свою голову, так что ее никто и узнать не может? Так сказать, да? Никто не поверит, все будут ругать Амона, будут обижаться на него за плохое поведение... Все будут говорить, что голову он отрезал хорошо, но зачем так ее испортил...

Пафнутьев лежал на полу вдоль узкого коридора, зажатый с двух сторон парнями, и не мог сделать ни одного движения.

– Он думает, что ты его кончать будешь, – сказал второй парень.

– Ничего он уже не думает... Люди в таком положении уже не думают, – ответил Амон. – Слышишь, начальник! Ты ошибаешься... Я не буду тебя сейчас кончать... Еще поживешь немного, совсем немного... А потом будет немножко больно... Команда поступила – голову твоего друга надо унести из дома. Нехорошо, когда в одной квартире сразу две головы соберется... Вставай, дорогой, полежишь немного в ванне. А то вдруг гость какой зайдет... А ты голый лежишь... Неприлично все-таки. Опять будут говорить, что Амон виноват.

Пафнутьев больше не сопротивлялся. Его затолкали в маленькую комнатку, освещенную слабой лампочкой, опрокинули в ванну, так что он рухнул в это чугунное корыто, зажав руку тяжелым своим неповоротливым телом.

– Кричать будешь? – спросил Амон.

– Буду.

– Тогда я тебе что-нибудь в рот запихну... Но боюсь, что ты задохнешься... Зачем мне твоя мертвая голова? Мне живая нужна, чтобы глаза твои я видел, чтобы кровь по моим пальцам бежала... Кровь врага лечит все раны – душевные и физические... Пока не умоюсь твоей кровью, начальник, мне не выздороветь, это я знаю точно. Я же больной... Вот скажи, видно, что я больной?

– Видно, – прохрипел Пафнутьев. – На расстоянии видно.

– Шутишь, начальник? Это хорошо. Кричать будешь?

– Не буду.

– Договорились. Если закричишь, мой друг, вот он стоит, будет бить тебя по голове тяжелыми предметами.

– Там в комнате гантели есть, – добавил второй парень.

– Гантели? Это хорошо, только не очень старайся... Но все-таки я что-нибудь в рот ему запихну... Тут где-то грязные трусы валялись или носки... А, начальник? Что хочешь – носки или трусы?

– Сказал же – не буду кричать! – взъярился Пафнутьев от сознания полной своей беспомощности.

– Ладно-ладно, не надо злиться... Ты лучше о боге подумай, о том, какие грехи совершил в жизни. – Амон взял влажноватое полотенце и, перетянув Пафнутьеву рот, затянул на затылке прочный узел, сдавив больное место. Пафнутьев простонал сквозь зубы, но промолчал. – Видишь, какой я добрый... А то все говорят – Амон злой, Амон злой... Это после твоей камеры, начальник, я стал таким добрым. Видишь, дошло до меня, что насилие над человеком совершать – это плохо, это тяжело переносится... Отдыхай, дорогой. – Амон вышел вслед за парнем из ванной и выключил свет.

Пафнутьев оказался в полнейшей темноте.

Хлопнула входная дверь – Амон вышел, скорее всего с сумкой, в которой сочилась кровью голова бедного Ковеленова. Пафнутьев не столько услышал, сколько почувствовал, что с той стороны двери затаился второй парень, оставшийся в квартире. В одну секунду неожиданно вспыхнул свет и распахнулась дверь – Пафнутьев лежал с закрытыми глазами в той же позе, в которой его оставили несколько минут назад. Успокоившись, охранник отошел, опять выключив свет и заперев дверь. Пафнутьев успел заметить, что запор на двери сделан неплохо, – рядом с ручкой была привинчена мощная никелированная щеколда. Она была неплохо сделана каким-то умельцем. Ее толщина, петли, надежные шурупы не оставляли сомнений – вывернуть ее он не смог бы и с развязанными руками, разве что высадил бы вместе с дверью.

Изможденный, с разбитой головой и скованными руками, брошенный в холодную ванну в каком-то сжатом, неудобном положении, Пафнутьев забылся в тяжелом бредовом состоянии, как вдруг опять вспыхнул свет и распахнулась дверь, – охранник опять проверил, все ли в порядке. Убедившись, что никаких неожиданностей от пленника ждать не приходится, он, успокоенный, снова запер дверь и выключил свет. Его шаги затихли во второй комнате, и в квартире установилась полная тишина. Сколько ни вслушивался Пафнутьев, он не мог уловить ни единого звука. Парень скорее всего опять лег. Пафнутьев решил, что у него есть примерно полчаса времени до того, как вернется Амон, до того, как охранник его снова решит проверить...

Полчаса.

Это страшно много и совершенно ничего.

* * *

«Вставай, Пафнутьев, вставай, дрянь безмозглая! Вставай, дурака кусок!» – попытался как-то подстегнуть себя Пафнутьев, но ни призывы, ни оскорбления не придали ему сил. Единственное, что удалось сделать, – это с невероятными усилиями перевернуться на спину. Сдавленные наручниками руки, да еще под весом его тяжелого тела, болели. Перевернувшись на спину, он хотя бы принял какое-то осмысленное положение, не лежал трупом, мешком, не лежал, как лежат на обочинах дорог сбитые машинами люди.

Когда его заталкивали сюда, он успел заметить, что ванная сделана в современном стиле, – когда один длинный гусак использовался и для рукомойника, и для наполнения ванны – стоило его лишь повернуть в сторону. Это замечательное инженерное решение, позволявшее размер ванной свести до одного метра свободной площади, тем не менее имело и свои

недостатки: длинная, сантиметров тридцать труба, как ее ни крути, всегда находила несколько сантиметров мертвой зоны, когда вода уже не текла в раковину, но еще не достигала ванны. У Пафнутьева дома была точно такая же система, ее достоинства и недостатки он изучил достаточно, когда ему приходилось срочно сматываться из дома, пока не прибегали со скандалами и угрозами залитые им соседи.

Лежа на спине, Пафнутьев постарался соскользнуть по дну ванны как можно дальше вперед, так чтобы ногами можно было дотянуться до кранов. И через некоторое время это ему удалось – подняв ноги, он нащупал голыми ступнями ручки кранов. На ощупь нетрудно было определить, в котором из них идет горячая вода, в котором холодная. Он попытался открыть воду, уперевшись ступней в кран, – не получилось, слишком плотно он был завинчен. Как он понял, в этой квартире жил неплохой хозяин и многое здесь было переделано – добротно, надежно, надолго. В этой ванне тоже ничего не болталось, не подтекало.

В следующей попытке Пафнутьев попытался ручку крана с короткими рожками, торчащими в стороны, обхватить скрученными проволокой ступнями, завести ручку между ступнями. Рожки были острыми, конструкторам и в голову не приходило, что кому-то придется открывать кран ногами, да еще и связанными. Наконец, преодолевая страшную боль, Пафнутьеву удалось затолкать ручку крана между ступнями и чуть повернуть его. После этого пришлось все повторять сначала – высвобождать ручку, выворачивать, сколько было можно, ноги, перехватывать ручку, и снова заталкивать ее между ступнями, и снова поворачивать. Так продолжалось раз пять, пока он не почувствовал, что из крана побежала тонкая струйка воды. Она была холодная и немного освежила его пылающие ступни. После этого он нашел в себе силы сделать еще несколько поворотов крана. Теперь из него шла сильная струя.

Пафнутьев почувствовал, что ванна постепенно наполняется холодной водой. Теперь его задача заключалась в том, чтобы, передвигая гусак, найти тот небольшой просвет, когда вода, еще не достигнув раковины, но уже выйдя из зоны над ванной, пошла бы на пол. На это у него ушло немного времени, несколько минут. И по шуму он понял – вода идет на пол. Ему повезло – на полу лежало какое-то тряпье, грязная одежда, и струя, попадая на этот ворох, падала почти бесшумно, растекаясь по полу, проникая во все щели, дыры, отверстия, какие только могли оставить нерадивые строители, пьяные пэтэушники, криворукие отделочники.

Теперь оставалось только ждать и молить бога, чтобы подольше не приходил Амон, чтобы крепче заснул его охранник. В ближайшие полчаса мокрые пятна должны появиться на потолках нижнего этажа, и слабонервные, взвинченные, гневливые граждане примчатся выяснять отношения. Если, конечно, в квартирах на нижнем этаже кто-то окажется дома, если он будет достаточно скандальным. В этом был расчет Пафнутьева и все его надежды.

Протягивая время от времени ноги, Пафнутьев нащупывал холодную струю и еще раз убеждался, что вода идет куда надо, мимо раковины, мимо ванны, прямо на пол, что напор достаточный. И снова затихал, боясь неосторожным движением произвести какой-нибудь звук, привлечь внимание охранника, похоже задремавшего у телевизора.

Но проходила минута за минутой, вода текла беспрепятственно, и никто к нему не заглядывал. Если дверь в ванной подогнана не очень плотно, а подобные двери никогда плотно не подгоняются, значит, вода уже должна просочиться в коридор, в прихожую, на кухню. И если она не нашла щели здесь, она найдет их там и наверняка просочится, должна просочиться на нижний этаж.

Не имея возможности ничего больше сделать для своего спасения, Пафнутьев мысленно благодарил и бригадира, продававшего цемент при строительстве, и пэтэушников, которые из лени и неистребимой страсти пакостить и шkodить могли положить плиты перекрытия насухо – тогда бы вода по оставленным щелям текла с этажа на этаж, рождая в душах соседей жажду мщения.

Ему в голову пришла еще одна затея – свесив ноги за край ванны, упершись головой в стенку, он начал выталкивать неповоротливое свое тело из ванны, пытаясь одновременно перевернуться на живот. Прошло несколько минут страшных усилий, и это ему удалось – он стоял на полу на коленях и был так счастлив, словно удалось вообще вырваться отсюда. После этого он приподнялся на ноги и попытался лицом нащупать ручки кранов. А нащупав, постарался за них зацепить полотенце, которым был затянут его рот. Полотенце соскальзывало, он бился лицом о краны, разбивая в кровь брови, нос, но снова и снова цеплял ткань за краники и сдвигал, сдвигал полотенце по миллиметру, пока рот его не оказался свободным. Пафнутьев жадно вдохнул воздух, приник к струе и сделал несколько глотков, потом подставил голову под струю.

Слух Пафнутьева обострился настолько, что он слышал малейшие звуки в квартире, голоса на площадке, даже, кажется, крики детей во дворе дома. Но он ждал возбужденных голосов на площадке, ждал звонка в дверь...

Этих звуков не было.

Он ожидал, что соседи начнут колотить шваброй в потолок, бить молотками по трубам отопления – и этого не было. Вода продолжала течь, но в ванной не скапливалась, значит, уходила в прихожую, на кухню, растекалась по комнате. И если охранник до сих пор не прибежал, значит, действительно заснул.

И наконец наступил момент, когда Пафнутьев услышал возбужденные голоса на площадке. Женские, мужские, готовые скандалить, возмущаться, жаловаться. И еще через некоторое время раздался звонок в дверь. В квартире было тихо, никто не торопился открывать. С площадки опять позвонили, дольше, настойчивее. И лишь тогда в комнате послышалось какое-то движение, потом Пафнутьев услышал проклятия – видимо, охранник, проснувшись, увидел воду на полу.

Дальше началось что-то невообразимое – в дверь стучали ногами, звонили, ничего не понимающий охранник метался по квартире, через дверь пытался успокоить соседей, но те, убедившись, что в доме люди все-таки есть, колотили ногами еще сильнее, истеричнее. Ворвавшись в ванную и увидев стоящего на коленях Пафнутьева, охранник размахнулся, чтобы ударить его, но в это время снова раздался звонок, и он бросился на площадку, чтобы успокоить соседей.

Едва Пафнутьев услышал щелчок открываемого замка, едва он понял, что дверь открыта, он заорал так, как не орал никогда в жизни и, наверно, уже никогда так орать не сможет. Не дано человеку дважды в жизни кричать с такой яростью, с такой надеждой на спасение, с таким желанием спастись.

– Помогите! – орал Пафнутьев, высунув голову из ванной.

Дверь на площадку была тут же, в двух метрах, и соседи прекрасно его слышали, а услышав, наверняка ощутили, как по их спинам пробежали мурашки ужаса.

– Убивают! Помогите! Милиция!

Голоса на площадке на мгновение затихли, и, воспользовавшись этой тишиной, Пафнутьев заорал снова, так что, кажется, даже сорвал голос, но нет, набрав воздуха, он заорал вновь, хрипло и безнадежно, не произнося слов, только рев раненого зверя.

Дверь на площадку захлопнулась, и в ванную ворвался взбешенный охранник. Теперь в его глазах уже не было сонного безразличия – была злоба, но был и страх. Он не знал, что делать, все переменялось так быстро и так необратимо, что он просто не знал, что предпринять. И сделал единственное, на что был способен, – со всего размаха ударил Пафнутьева по лицу, принялся снова натягивать ему на рот сползшее полотенце, но у него ничего не получалось – Пафнутьев вертел головой, извивался всем телом, склонившись, прятал голову от ударов. В дверь беспрестанно звонили, колотили ногами, Пафнутьев слышал, что голосов на пло-

щадке стало больше, видимо, люди выходили из других квартир. Наверняка кто-то уже звонил в домоуправление, в милицию.

Оставив Пафнутьева, охранник бросился в комнату, притащил сумку, начал в панике бросать в нее вещи, потом рванулся к телефону, но не успел набрать номер, как Пафнутьев, собравшись с силами, заорал так, что голоса на площадке смолкли и тут же в дверь начали колотить с удвоенной силой. Тогда охранник, потеряв самообладание, схватил гантелю и снова ворвался в ванную. Размахнувшись, он с силой опустил железную гантелю Пафнутьеву на голову. Но за секунду до того, как потерять сознание, Пафнутьев услышал, как на площадке грохнул выстрел. И, опрокидываясь в ванну, успел лишь подумать – неужели Амон?

А когда открыл глаза, то увидел, что все еще лежит в ванне, но руки его свободны, ноги тоже развязаны, а над ним, перекрывая лампочку, так что от головы шло золотистое сияние, стоял майор Шаланда. На его большом лице было примерно равное количество беспокойства и насмешки.

– Что, Паша? – спросил он. – Доигрался?

– Шаланда, – прошептал Пафнутьев. И столько нежности, столько признательности было в его голосе, сколько не слышала от него ни одна женщина в самые интимные моменты жизни. – Шаланда, – шептал Пафнутьев, и две слезинки невольно выкатились из его глаз.

– Да ладно тебе, – смутился Шаланда. – Нашел время... Вставай, хватит тебе здесь валяться. Срам-то прикрыл бы чем-нибудь... Тоже еще, корифей следственной мысли!

* * *

Был ли Пафнутьев счастлив в жизни? Вряд ли. Вопросы этого он старался себе не задавать, не задавал он таких вопросов и никому другому. Это была запретная тема. В чем-то она была даже неприличной, и когда он слышал подобные вопросы по радио или телевидению, выключал звук, чтобы не видеть срамоты и того, кто спрашивает, и того, кто вынужден отвечать. Слишком много в этом вопросе было действительно запретного, касающегося только его и никого больше.

Девушки, которые время от времени пересекали его жизненный путь и могли бы сделать его счастливым, эти девушки не задерживались. Бог их знает почему... И хорошие девушки, он готов был и дальше общаться с ними. Но проходило время, и как-то само собой получалось, что девушки эти исчезали. То он забывал позвонить, а потом звонок уже не имел смысла, то он задерживался в командировке, а вернувшись, обнаруживал, что его место занято, то вообще такой пустяк случался, что его и вспомнить было невозможно. Не было в Пафнутьеве блеска, игры, огня... Не звонил он среди ночи, не слал судорожных телеграмм из поездов, к цветам тоже относился без должного понимания их роли и значения.

Был ли он скуповатым? Нет, часто готов был отдать все, по первой же просьбе. Но и тратить деньги мимоходом, не задумываясь... Тоже не умел. А напрасно. Часто именно денежные траты, легкие и обильные, производят на девушек самое неотразимое впечатление. Глупы, конечно, но что делать, такие уж они есть.

Может быть, дело в том, что каждый раз знакомство получалось у него довольно своеобразным – попадались среди его девушек потерпевшие, пострадавшие, свидетельницы, была однажды и преступница, хотя ее лучше назвать правонарушительницей, как-то женственнее звучит. Как раз с ней-то у Пафнутьева и был самый долгий и трепетный роман, были и цветы, и пустые траты денег, и судорожные ночные звонки... Красивый был роман, и все в нем Пафнутьеву запомнилось светлым и значительно-тревожным. Но как и всему на этом свете, роману тоже пришел конец – высокая девушка со светлыми волосами и голубыми глазами встретила человека из своего мира, человека блестящего, таинственно-недоступного... Ну что, и ушла. Правда, поступила порядочно – позвонила и ясно, толково объяснила свое решение.

– Ухожу я, Паша, – сказала она, помолчав. – Так уж вышло... Ты не имей на меня зуб, ладно?

– Зуб?! – взревел Пафнутьев. – Да у меня вся челюсть зудит и щелкает!

– Ну вот видишь, как хорошо, – улыбнулась она. – Ты шутишь, значит, все в порядке. Прижмет – позвони. С тобой я изменю кому угодно.

– И ты звони, – сказал Пафнутьев упавшим голосом. – Когда прижмет. Я тоже изменю... Если будет кому.

Пока не звонила. Но понял, понял Пафнутьев простую истину, которая так долго не давалась ему, так долго водила его за нос, – в общении с женщинами вредна простота, ясность, понимание и доступность. В отношениях между мужем и женой после серебряной свадьбы все это, может быть, и неплохо. Но между мужчиной и женщиной должна, обязана оставаться недосказанность, непонятность, непредсказуемость. Все должно висеть на волоске, более того, время от времени этот волосок должен обрываться. С грохотом ли, с треском ли, с визгом или в полной тишине, но волосок должен обрываться. И прогулки с любимой женщиной по лезвию ножа, как понял Пафнутьев, это самое безопасное место прогулок.

Обычно, чем ближе становился вечер, тем большее беспокойство ощущал Пафнутьев. Он мог сорваться, нагородить чепухи, совершить глупость, пока до него доходило, в чем таится причина. А причина была в том, что он попросту боялся приближения вечера, потому что по вечерам приходило ощущение полнейшей своей беспомощности и полнейшей ненужности. Весь день он встречался с десятками людей по делам, которые определяли их судьбы, он сам требовался в десятках мест, его везде ждали, его требовали, ему звонили.

Но вечер... Вечер все это обесценивал. Впрочем, можно сказать иначе – вечер все ставил на свои места.

Подперев щеку рукой и глядя в собственное отражение в стеклянной дверце шкафа, он грустно вслушивался в затихающий шум прокуратуры. И эти вот прощальные голоса, торопливые шаги в коридоре, хлопанье дверей постепенно повергали его в состояние печали и вседозволенности. Да, часто именно печаль дает право на поступки дерзкие и неожиданные. В такие вот вечера Пафнутьев, случалось, шел на нарушение правил и приличий, понимая, что это верный путь к сердцу красавицы. Да, была у Пафнутьева слабость – из женщин он признавал только красавиц. Или же тех, кого сам считал красавицами. То есть ему требовалось состояние хотя бы легкой, хотя бы мимолетной влюбленности. И именно в такие вот вечера он одерживал свои личные, никому не известные победы.

И в тот вечер, когда он, освобожденный толстомордым Шаландой из заточения, оказался наконец у себя дома, он не мог на весь вечер оставаться один. Никто не пригласил его в гости, никто сам не напросился, не предложил распить бутылку водки.

– А жаль, – проговорил Пафнутьев вслух, придвигая к себе телефон. Он еще и сам не знал, где окажется в этот вечер, куда занесет его непутевая судьба, но шалость и желание нарушать правила затопляли его душу. Шла какая-то невидимая работа помимо его сознания. Он поправил телефон, тронул пальцами диск, качнул трубку. Где-то в нем уже было известно, кому он позвонит, наверно, было известно и то, что ему ответят и чем все закончится. Но он ничего этого еще не знал, и единственное, чего ему хотелось, – это набрать номер и поговорить. И он бездумно доверился руке, которая сама вспомнила номер и безошибочно семь раз прокрутила диск.

– Слушаю, – раздался в трубке голос, который всегда тревожил Пафнутьева. Впрочем, это можно объяснить и тем, что он слишком редко звонил по этому телефону.

– Таня? – спросил Пафнутьев, хотя в этом не было никакой надобности. Спросил, даже не представляя, что сказать. Но в его глубинах уже все было просчитано, на все вопросы получены ответы, и твердое непоколебимое решение уже было принято. – Как поживаешь?

– А, это ты, – произнесла женщина несколько растерянно, из чего Пафнутьев безошибочно понял – рядом кто-то есть, кто ей в данную минуту ближе, дороже, желаннее.

– Узнала?

– И что из этого следует? – спросила она уже чуть живее, и живость была вызвана всего лишь насмешливостью тона.

– А кто я?

– Слышала, большой начальник. – Она всегда умела разговаривать так, чтобы стоящий рядом человек ничего не понял – с кем она говорит, о чем, в каких отношениях с собеседником.

– Повидаться бы, а, Таня?

– Прекрасное пожелание...

– А сегодня?

– Исключено.

– Почему? – из опыта своей следственной деятельности Пафнутьев знал, что самые дельные, самые острые и неотразимые вопросы – это те, которые поначалу кажутся глупыми из-за своей простоты. Но такие вопросы вскрывают суть, отмечают двусмысленность, отвечая на них, невозможно sluкавить.

– У тебя все? – спросила Таня.

– Да, у меня все с собой.

– Будешь в городе, позвони как-нибудь, – сказала она с улыбкой, но улыбка эта предназначалась не Пафнутьеву, это была извиняющаяся улыбка для человека, который стоял рядом.

– Я еду, – сказал Пафнутьев. – До скорой встречи.

И положил трубку с ощущением победы.

Хотя, казалось бы, какая победа? Его попросту отшили, как это с ним и бывало чаще всего, и если бы он был хорошо воспитан, то догадался бы, что отшили его на хорошем уровне, как говорится, с блеском. Но перенесенные волнения, амоновский ножичек, который некоторое время плясал совсем рядом с его горлом, сочащаяся голова Ковеленова в целлофановом пакете – все это позволяло ему сегодня смотреть на мир другим взглядом, освеженным, что ли...

И был еще один момент, который Пафнутьев почувствовал очень остро, – рядом с Таней стоял человек не больно высокого пошиба, это можно было понять из каждого ее слова. При человеке, от которого она бы трепетала, Таня говорила бы совсем иначе. Короче, жестче и никакой игривости.

– Разберемся, – проворчал Пафнутьев, поднимаясь.

Вечер обещал быть чрезвычайным, и Пафнутьев решил не скупиться. Для начала купил за три тысячи связку бананов, потом, тоже за трешку, килограмм мандаринов и наконец подошел к бабуле, которая стояла у автобусной остановки, вцепившись двумя сухонькими ладошками в бутылку «Пшеничной». С тревогой всматривалась она в лицо каждого прохожего, мечтая побыстрее продать бутылку и опасаясь, как бы не вырвали из рук, как бы не отняли. Видимо, с ней уже бывало такое, и поэтому бутылку она не просто держала в двух руках, а еще и прижимала ее к себе, как ребеночка. А где-то рядом, наверно, бродил ее старик с кошелкой, в которой плескалась еще пара бутылок. Продав все, они могли надеяться на ужин из буханки хлеба и пакета молока.

– Почем водка? – спросил Пафнутьев, прекрасно сознавая, что, хотя вся Россия пьет от радости и горя, хотя со всего мира свозят сюда все залежалое зелье и выпивают его подчистую от отчаяния и безнадежности, произносить вслух вот так открыто слово «водка» было не принято.

– Три, – бабуля посмотрела на него с опаской и надеждой.

– Хоть настоящая водка-то? Не отравишь? – спросил Пафнутьев, всматриваясь в узоры этикетки.

- Господь с тобой, мил человек! – в ужасе воскликнула бабуля. – Сама в магазине брала!
- По национальности водка-то чья будет?
- А кто ж ее знает?

Пафнутьев придирчиво окинул взглядом бутылку, этикетку, пробку и пришел к утешительному выводу, что водка все-таки московская, даже, может быть, кристалловская. Белая алюминиевая нашлапка с четкими частыми буквами – это хорошо. Подделка маловероятна. Да и наклейка яркая. Были у Пафнутьева свои признаки, по которым он отличал водку настоящую от поддельной, ядовитой, смертельной. По контуру, по краю этикетки шел простенький узор из одной линии, которая вверх сплеталась в незатейливый узелок. Если линия желтая, беги подальше, не раздумывая. Если линия коричневатого, бронзового цвета, это уже обнадеживает. Наутро и выжить можешь. Пробка опять же с четкими тисненными буквами по кругу... Опять надежда. Для верности Пафнутьев посмотрел, как наклеена этикетка, – тоже вроде все в порядке. Клеевые полосы шли равномерно, и всего их было пять – заводская наклейка. Но прежде чем опустить бутылку в свой потрепанный портфель, Пафнутьев с силой раскрутил ее и посмотрел на просвет. Множество мелких пузырьков тонким смерчем рванулись со дна к горлышку. Тоже хороший признак, водка может оказаться еще и с градусами.

- Вроде настоящая, – на всякий случай с сомнением проговорил Пафнутьев.
- Пей, милок, на здоровье, пей, не бойсь, – пробормотала старушка.
- Сколько говоришь? Две тысячи?

– Господь с тобой! Три! Сама брала за две с половиной. Не веришь, спроси кого угодно, – и она махнула вдоль бесконечного ряда таких же старушек, стариков, молодых мордатых парней, принарядившихся молодок, которые к вечеру выстроились с ботинками и помадами, с кефиром и батонами хлеба, с халатами и будильниками... Страна семимильными шагами победно двигалась к рынку. И по всей стране выстроились такие вот длинные унылые ряды людей, которые вынесли все, что есть в доме, надеясь продать и купить поесть...

– Ну что ж, три так три. – Пафнутьев вручил бабуле три бумажки и, уходя, успел заметить, как дала она кому-то неприметный знак, – давай, дескать, неси еще одну бутылку.

Присмотрев в киоске литровый пакет с соком тоже за три тысячи рублей, Пафнутьев опустил его в отяжелевший портфель и почувствовал себя в полной уверенности. С таким портфелем он мог отправиться в гости к кому угодно, в любой квартире города был бы принят с распростертыми объятиями. Но не нужны ему были объятия всего города, он истосковался по единственным объятиям и последнее время все никак не мог оказаться в них. И что-то подсказывало ему, что если он и дальше будет относиться к работе так же усердно, то наверняка потеряет и эти объятия. Такие мысли приходили к нему и раньше, но как-то не тревожили его. Ну потеряет он Таню, значит, так и нужно, делов-то! Но сегодня воспоминания о ней приобрели какую-то обостренность, взвинченность, и сама вероятность ее ухода заставляла его содрогаться от горя.

И он не стал себя сдерживать. Да и не мог он сегодня себя сдерживать.

Широким, торжественным шагом, с колотящимся сердцем и легким ознобом в ладонях направился Пафнутьев к знакомому переулку. Знал, негодник, знал, на что идет, знал, что не будет ему ни радостной встречи, ни распростертых объятий, но не мог, он попросту не мог ничего с собой поделать. И самое главное – ему больше некуда было идти. Ни Халандовский, ни Овсов для этого вечера не годились. Не было у него ни сил, ни желания на безоглядную пьянку. Душа запросила немного трепетности, хоть немного молчаливого участия.

Это был пятиэтажный дом из силикатного кирпича, с выщербленным асфальтом на подходах ближних и дальних, разросшимся и полувырубленным кустарником, с поломанными и кое-как сколоченными скамейками, с неизменными старухами у подъездов, старухами, которые быстро и безошибочно определяли, кто идет к кому, по какой надобности. Почти одновре-

менно взглянув на Пафнутьева, старушки стыдливо опустили головы, будто заранее увидели весь тот срам, который состоится в квартире на пятом этаже этой бессонной ночью.

Пафнутьев прошел мимо них, печатая шаг, и поднялся по узкой подванивающей котами лестнице на пятый этаж. Не давая себе возможности остановиться, задуматься, посомневаться, он одним шагом пересек площадку и нажал кнопку звонка. Свое побледневшее от волнения лицо он приблизил к самому глазку, чтобы человек, пожелавший взглянуть на него, ничего не увидел, кроме уродливо громадного зрачка. Может еще увидеть его искаженное толстомордое лицо с выпученными глазами. Так и есть – глазок погас. Его рассматривали. Пафнутьев подмигнул, дернув всей щекой, и ощерился не то в оскале, не то в самой что ни на есть очаровательной улыбке.

Щелкнул замок.

Открылась дверь, неторопливо открылась, как бы раздумчиво.

На пороге стояла Таня. Высокая, в длинном синем халате, с каким-то королевским вензелем на отвороте, красивая, взволнованная и слегка разгневанная. Как всегда, причесана, темные волосы обрамляют лицо, губы небольшие, но выступающие, она как бы собралась не то поцеловаться, не то свистнуть. И улыбка. Да, Таня улыбалась даже в гневе. Она не могла не улыбаться, потому что знала – улыбка самое сильное ее место. И только взглянув на нее, Пафнутьев сразу почувствовал – отпустило, стало легче, теперь можно жить дальше, теперь он выдержит.

– Здравствуй, Таня, – сказал Пафнутьев. – Вот и я.

– Не поняла?

– Я говорю, что это я пришел... Мы же договорились встретиться. И вот я здесь.

– Да?

– Я же сказал – до скорой встречи... Ты не возразила, и я это понял как приглашение. Ты даже не представляешь, как я обрадовался, когда ты так многозначительно промолчала в ответ на мои искренние слова... Я сразу подумал, представляешь...

– Если бы ты хоть немного подумал, Паша...

– Я сейчас все расскажу, Таня... Ты будешь визжать от ужаса. – И Пафнутьев легонько-легонько плечиком, плечиком чуть отодвинул женщину в сторону, протиснулся в прихожую, тут же снял с себя мокрый плащ и, не прекращая говорить ни на секунду, начал разуваться. Причем говорил он все громче, все радостнее, не давая возможности Тане ни возмутиться, ни показать на дверь, ни вообще предпринять что-либо. Что делать, Таня была простой и доверчивой женщиной, она преклонялась перед его обязанностями, а если и позволяла себе иногда отозваться о них иронически, то только для того, чтобы его подзадорить. Но сейчас он ставил ее в глупейшее положение, и она попросту не знала, как ей быть. А он не замолкал, он не замолкал ни на секунду. – Как я рад видеть тебя, Таня... Ты просто не представляешь. – Не расшнуровывая, он скovyрнул с ног туфли. – А где мои любимые тапочки?

– Ты все перепутал, Паша... Твои любимые тапочки у тебя дома.

– Ты их уже отнесла? – удивился Пафнутьев.

– Здесь никогда не было твоих любимых тапочек. Думаю, что и не будет.

– Ты ошибаешься, Таня. Ты глубоко ошибаешься. Во всем, что касается тапочек, можешь довериться мне.

– Здесь нет твоих тапочек, – повторила Таня.

– Будут, – твердо заверил Пафнутьев, подхватывая свой раздутый портфель и проходя с ним в комнату. – Уж если у тебя бывают гости, которые позволяют себе ходить в моих тапочках... Мы это исправим самым решительным образом. – Он водрузил на стол портфель, довольно бесцеремонно сдвинув в сторону тарелочку с нарезанной колбасой, едва початую бутылку водки, неважной, между прочим, водки, в какой-то зеленой овощной бутылке, с косо приклепнутой этикеткой, да и алюминиевая пробка, лежавшая тут же, выдавала чрезвычайно

низкий уровень водки – покатаая, непрожатая прессом, а буквы на пробке крупные, невнятные, еле пропечатанные. Чеченское производство. И только отодвинув водку в сторону, Пафнутьев заметил легкое движение в сторонке. Глянув туда, он увидел, только сейчас увидел, что в комнате находится еще один человек. Коротко взглянув на него, Пафнутьев все понял в доли секунды. Светловолосый, с хорошими уже залысинами, парень пошиба был невысокого, хотя мнение о себе имел неплохое. Были на нем джинсы, видимо, купленные в молодости, джинсовая рубашка навывпуск, несколько поновее, а еще Пафнутьев в коридоре на вешалке заметил влажную кожаную куртку. Следовательно, парень пришел совсем недавно, едва успел водку открыть.

– Простите, – сказал он невольно, но позы не переменял, остался полулежать в кресле, закинув ногу на ногу так, что анатомические особенности его коленок проступали во всех подробностях. – Если я не ошибаюсь...

– Таня! – заорал Пафнутьев, словно хотел обрадовать женщину. – Иди посмотри, тут у тебя в кресле что-то завелось...

Парень лишь улыбнулся. Он полагал, что и Пафнутьев пошиба невысокого – пришел мужичок трахнуться на халяву. Так примерно он оценил странное положение, возникшее в комнате. И как все, кто общался с Пафнутьевым недолго, ошибся. Прежде всего, Пафнутьев пришел не на халяву, содержимое его портфеля позволяло ему чувствовать себя уверенно в любом доме России. Да и не только России. Кроме того, Пафнутьев знал Таню гораздо дольше, и у него были основания полагать, что к нему она относится лучше, чем к этому тощеватому, лысоватому хмырю с костистыми коленками.

– Кто принес в дом эту отраву? – спросил Пафнутьев, взяв в руки овощную бутылку с водкой. – Кому жить надоело?

Таня вошла и остановилась в дверях, скрестив руки на груди. Легкая улыбка, которая всегда так тревожила Пафнутьева, заставляя начисто забывать о росте преступности в городе, гуляла по ее губам.

– Таня, – обернулся к ней Пафнутьев. – Ты знаешь, что это такое? Это нельзя не только пить, ее нельзя даже нюхать. Ты можешь не проснуться. Как хорошо, как хорошо, что я пришел вовремя! Слава тебе, господи! Прийти и застать холодный труп вместо прекрасной женщины... Это ужасно!

– Скажите пожалуйста! – наконец подал голос парень в кресле. Похоже, это единственное, что он мог придумать.

– Эту водку, или как там вы ее называете, делают не то чеченцы, не то азербайджанцы, а скорее всего, пробравшиеся через границы курды в подвале дома, где живет один мой знакомый. Сами они ее не пьют. Только продают. Как ящик продадут, тут же на месяц из города исчезают.

– Ты его приглашала? – спросил парень.

– Кого? – обернулся Пафнутьев и своим вопросом смазал весь гнев тощего джинсовика.

– Таня, почему ты его не гонишь?

– Я слабее его.

– Гораздо, – заверил Пафнутьев и этим как бы объединился с Таней. Теперь они вместе отвечали на гневные вопросы парня.

– Дядя, – произнес парень, поднимаясь из кресла. – Мне кажется, ты ошибся. Приходи как-нибудь в другой раз... И по другому адресу. Мне кажется...

– Моя ты деточка! – воскликнул Пафнутьев, не скрывая радости. – Тебе кажется... Если бы я рассказал все, что кажется мне... Ты бы тут же наделал в штаны. Прямо сейчас.

– Хамишь, дядя! – угрожающе произнес парень и сделал шаг вперед, теперь его и Пафнутьева разделяли всего два метра.

– Да! – возликовал Пафнутьев. – Именно! Так редко представляется возможность откровенно и безнаказанно нахамить, что упускать ее было бы преступно.

– Ты уверен, что безнаказанно?

– Да! – опять обрадовался Пафнутьев. – Конечно! Именно! – Он взял посрамленную и обесчещенную водку и поставил ее подальше на пол, к окну.

– Слушай! Выметайся! – заорал парень, сокращая расстояние между ними еще на шаг.

– Таня, где мои тапочки? – Полностью пренебрегая опасностью, Пафнутьев повернулся к парню спиной и, взяв со стола тарелку с нарезанной вареной колбасой и плавленым сырком, поставил ее на шкаф, потом, подумав, задвинул тарелку подальше, к стенке.

– Таня, почему ты не скажешь ему, чтобы он выметался?!

– Паша, выметайся.

– Доволен? – повернулся Пафнутьев к парню. – Слышал? Она сказала мне, чтобы я выметался.

– И ты, Игорь, тоже выметайся. Уходите оба, – Таня, кажется, готова была расплакаться.

– Я вызову милицию! – крикнул Игорь, и Пафнутьев понял – это победа.

– Правильно, – кивнул он. – Лучше вызвать милицию. Отделение здесь недалеко... Как войдешь в отделение, сразу направо – там кабинет майора Шаланды. Сразу к нему. Так, скажи, и так, господин Шаланда... Пафнутьев разбушевался. Он все поймет. Не забудь сказать адрес – он примчится сюда со всем отделением.

– Ну что ж, я так и сделаю! – Парень гневно прошел мимо Пафнутьева, и его длинные светлые волосы всколыхнулись за спиной. Резко и зло он надел свою короткую курточку, не успевшую даже просохнуть, сунул ноги в какие-то безразмерные босоножки и вышел на площадку, с силой бросив за собой дверь.

Таня вздрогнула от этого хлопка, закрыла лицо руками. И Пафнутьев увидел, как сквозь ее пальцы выкатились слезинки. Он подошел, постоял рядом. Потом осторожно коснулся пальцем ее плеча, а когда убедился, что ничего чрезвычайного не произошло, отнял руки от ее лица.

– Послушай, Таня... Если этот... как его... Если он так тебе уж дорог, я сам доставлю его сюда. Хочешь, в наручниках, хочешь – без... И за водку извинюсь... Я даже готов рискнуть жизнью и выпить ее, лишь бы ты простила меня и позволила присесть на минутку, а, Таня?

– Ну нельзя же так, Паша!

– Согласен.

– Это же самое настоящее хулиганство!

– Статья двести шестая, часть вторая... От двух до шести лет без конфискации.

– Он сейчас приведет милицию... Начнутся допросы, протоколы... Паша!

– Не то ты говоришь, Таня. Спроси лучше, что случилось.

– Я видела... Все произошло на моих глазах.

– Таня, ты не поверишь... Я выжил. Не должен был выжить, но выжил. И ты единственный человек, которому я могу об этом рассказать, которому хочется рассказать...

– И это все я? – улыбнулась она сквозь слезы.

– Да, – ответил Пафнутьев. – Да, Таня, хотя я и сам с трудом в это верю.

– Сейчас сюда придет Игорь с толпой милиционеров, они заберут тебя и уведут в неизвестном направлении.

– С ними я разберусь, мне бы с тобой разобраться. – Пафнутьев открыл наконец свой портфель, вынул бананы, мандарины, пакет с соком, поколебавшись, достал и водку. Кротко взглянул на Таню, словно прося прощения за невоспитанность, и поставил бутылку на стол.

– Думаешь, твоя лучше? – Таня отошла от двери и присела на край стула.

– Ровно настолько, насколько я лучше того хмыря! – самоуверенно заявил Пафнутьев.

– Не надо его так называть. Он не хмырь.

– А я?

– И ты не хмырь. С хмырями я не вожусь.

– А кто же я?

– Начальник следственного отдела в какой-то непонятной конторе. Если, конечно, тебя еще не повесили...

– Какой я начальник. – Пафнутьев сорвал нашлепку с бутылки, налил себе полстакана водки. – Какой я начальник...

– Ладно, – Таня положила ладонь ему на руку. – Рассказывай уже... Похоже, у тебя в самом деле что-то случилось? Или это все твои выдумки, чтобы проникнуть в дом, забраться в постель, нырнуть под одеяло...

– Глоточек выпьешь?

– Конечно. А то я не выдержу твоего рассказа. Наверно, кровь будет стечь в жилах?

– К счастью, да. К счастью, Таня, кровь осталась в жилах, там она и будет стечь. – Пафнутьев снял галстук, расстегнул две верхние пуговицы на рубашке и лишь после этого взял свой стакан и выпил водку до дна. – Не обижаешься?

– Ладно, Паша... Проехали.

Пафнутьев протянул руку, потрогал ее волосы, на лице его возникло выражение озадаченности.

– Что-то не так? – обеспокоенно спросила Таня.

– Надо же... Мне казалось, что они у тебя жестче.

– Сколько же ты не был здесь?

– Жизнь, Таня... Целую жизнь.

– А вломился с таким гонором, будто на пять минут случайно отлучился. Что это было? Любовь? Ревность? Тоска?

– Это была истерика, Таня. – Пафнутьев привлек женщину к себе, опустил лицо в ее волосы. – Это была самая настоящая истерика, – повторил он и с трудом сдержался, чтобы не расплакаться. И подумал – Байрамов, Амон, Анцыферов... Они могут на уши встать, но меня этой ночью не найдут.

* * *

Анцыферов смотрел на Пафнутьева с немим ужасом, как можно смотреть на человека, которого только вчера похоронил, а сегодня он входит в твой кабинет. Прокурор даже схватился побелевшими пальцами за край стола, может быть, чтобы унять дрожь в пальцах, а может, попросту для того, чтобы не соскользнуть под стол от тошнотной слабости. А Пафнутьев был беззаботен, на лице его было обычное сонно-глуповатое выражение, готовое тут же смениться искренним восхищением перед умом, проникательностью или красотой собеседника. Он что-то говорил, пожимал плечами, разводя руки в стороны, – Анцыферов его не слышал. Он пытался осознать происшедшее, найти какую-то линию поведения. И не мог. А Пафнутьев основательно уселся к приставному столику, положил на него свою замусоленную папку и, наконец замолчав, уставился преданным взглядом в прокурора.

– И что? – спросил Анцыферов, пытаясь поймать смысл сказанного.

– А то! Наши смутные и невнятные подозрения полностью подтвердились, с чем мы можем себя заслуженно поздравить, – произнес Пафнутьев с некоторой торжественностью.

– Поздравляю, – кивнул Анцыферов.

– Спасибо, Леонард. И я тебя поздравляю.

– С чем?

– С уважением.

– Не понял? – Анцыферов невольно потряс головой, пытаясь проникнуть в логику Пафнутьева.

– Тебя, Леонард, как я понял, очень уважают в тех кругах, в которых мне пришлось побывать и из которых удалось уйти невредимым, хотя в это никто не верил, включая мое непосредственное начальство в твоём лице.

Анцыферов потрогал свое лицо, посмотрел на ладони, снова поднял глаза на Пафнутьева.

– Что в моем лице?

– Ты, Леонард, совсем одурел, – непочтительно сказал Пафнутьев. – Есть такой потрясающий канцелярский оборот... В твоём лице я приветствую всю правовую службу города...

– А чего это ты взялся приветствовать всю службу?

– Леонард, слушая тебя, можно подумать, что это тебе собирались отрезать голову, а не мне. С твоего позволения.

– Что с моего позволения?

– Отрезать голову.

– Кому?

– Мне.

– Кем?

– Амоном. Твоим приятелем.

Разговор получался совершенно бестолковым, хотя оба собеседника исправно отвечали на вопросы друг друга. Анцыферов время от времени нервно взглядывал на часы, передвигал бумаги на столе, поднимал телефонную трубку и, не набирая номера, вслушивался в писк, доносящийся из микрофона.

– Я слушаю тебя, говори, Павел Николаевич, – сказал он, положив трубку на место.

– Тебе от Амона привет.

– Спасибо. А кто это?

– Тот, которого трахнули в камере двенадцать человек, а ты его спас, задницу ему вытер собственным носовым платком, а потом в эту трахнутую задницу еще и расцеловал его. Вза-сос. Вложив всю свою страсть и нежность. Так вот этот самый Амон и велел тебе кланяться. Поцелуй, говорит, от моего имени Леонардушку. То есть тебя. Это ты – Леонардушка. А он – Амонушка.

– А доказательства? – спросил Анцыферов.

– Если завтра или послезавтра где-нибудь в черте города или в мусорной корзине городского прокурора найдется голова Ковеленова, это будет доказательством?

– Кто такой Ковеленов?

– Это важно? Я говорю – будет найдена голова Ковеленова. Я ее уже видел. В целлофановом мешке.

– А сам Ковеленов где?

– В других местах.

– Что, сразу в нескольких?

– Да. Нога в одном месте, рука в другом...

– А, – сообразил наконец Анцыферов. – Расчлененка.

– Вот именно.

Анцыферов сделал глотательное движение, подавился собственной слюной, закашлялся, вытер взмокший лоб платком, начал с болезненной старательностью протирать ладони, все время поглядывая по сторонам. А когда решился посмотреть в глаза Пафнутьеву, увидел, что тот весело посмеивается.

– Кто такой Ковеленов? – спросил Анцыферов, медленно включаясь в разговор.

– Мой человек.

– Не уберег, значит?

– Леонард! Ты неблагодарная свинья! – Нарочитая грубоватость, произнесенная с доброжелательной улыбкой, Пафнутьев это знал, может сойти с рук, стерпит прокурор, никуда не

денется. – Я сохранил для тебя прекрасного начальника следственного отдела, вот он сидит перед тобой, – Пафнутьев раздул щеки и выпятил грудь, откровенно потешаясь над беспомощностью Анцыферова. – А ты жалеешь какого-то уголовника! Жаль мне его? Да, искренне жаль. Мы с ним не раз выручали друг друга, и потерять такого человека куда больнее, чем потерять кого-либо другого, хоть бы и тебя. Да, Леонард, да. Другого с такими способностями, с такой ответственностью и порядочностью я не найду. Да и искать бесполезно. Поэтому не тебе, Леонард, меня упрекать.

– Кто же может тебя упрекнуть? – нервно усмехнулся прокурор. – Есть такие люди на белом свете?

– Только я сам.

– Есть за что? – Анцыферов начал оживать.

– Есть, Леонард. Слишком долго я занимался этим делом, слишком долго я с тобой разбирался. Затянул.

– Хочешь ускорить?

– Хочу.

– Ожил, значит?

– Выжил. Так будет точнее. А оживать начал ты. Сейчас в каком-нибудь мусорном ящике сочится голова Ковеленова. Чья будет следующая... Не знаю. Но предположить могу.

– Остановись, Паша! – почти в ужасе произнес Анцыферов. – Остановись. Накаркаешь.

– К тому и стремлюсь, Леонард. После всего, что Амон рассказал о тебе... Оглядывайся по сторонам, Леонард. Я твой совет плохо выполнил, так хотя бы ты отнесись к моему серьезнее.

– Эта квартира, в которой ты томился... Кому она принадлежит?

– А! – Пафнутьев пренебрежительно махнул рукой. – Хозяин за хорошие деньги сдал каким-то приезжим, те заплатили вперед, жили в ней несколько месяцев... Договоров не подписывали, документы не составляли... Ты, Леонард, не переживай, твоих следов ни я, ни Шаланда там не обнаружили. Кое-где ты все-таки наследил, но не там. На квартире чисто.

– О каких следах ты говоришь? – насторожился Анцыферов.

– Оставим это, – опять махнул рукой Пафнутьев. – Ты вот что мне лучше скажи... Как быть с твоим Амоном? Будем объявлять розыск? Или он до сих пор неприкосновенная личность? Особа, приближенная к Анцыферову?

– Объявляй. Но не надо в одну кучу валить... Не надо, Паша. Ты тоже в этой куче.

– Страдания очистили меня от недостойных подозревай.

– Ты еще в общей куче, Паша, – повторил Анцыферов. – Ты из нее еще не выбрался. И не знаю, выберешься ли.

– Я буду стараться.

– Усердие всегда было твоей сильной стороной, – легонько укусил Анцыферов.

– Леонард! – вскричал Пафнутьев, будто вспомнил что-то важное. – А почему ты не спрашиваешь у меня о подробностях? Или ты знаешь больше меня?

– Ты ведь напишешь отчет, надеюсь? Там все и прочту. Кроме того, будет возбуждено уголовное дело... По факту похищения начальника следственного отдела Павла Николаевича Пафнутьева. Будут опрошены свидетели, участники, надеюсь и преступников увидеть перед собой...

– Увидишь, – заверил Пафнутьев.

– Только вот что, Паша, – улыбнулся Анцыферов. – Не знаю, имеешь ли ты право заниматься этим делом... Ты ведь пострадавший. И не можешь отнестись к расследованию объективно. Тобой будет двигать жажда мести... Я не могу этого допустить. Закон запрещает тебе, Паша, вести это дело. Надо ведь иногда и о законе подумать, согласен?

– Конечно.

– Я подумаю, кому поручить это дело.

– Подумай, Леонард, подумай. А что касается похищения... Я и не собирался заниматься этим... У меня хватает дел. Убийство при угоне машины, развратные действия в лифте, дебош в двенадцатом отделении милиции, голова гражданина Ковеленова...

– Ты так уверенно и настойчиво говоришь об этой голове, будто она у тебя в портфеле? – усмехнулся Анцыферов.

– А в свой ты заглядывал? А то ведь наш друг Амон – большой шутник.

– Продолжим, – Анцыферов не пожелал больше говорить о голове. – Ты являешься жертвой другого преступления, я с тобой согласен. Но обвиняемый, или правильнее сказать, подозреваемый... Все тот же. Одно лицо. Сможешь ли ты правильно и справедливо, без предвзятости разобраться с тем, что произошло с тем недоделанным Шаландой, если дебош учинил человек, который так сильно напугал тебя самого? Нет, Паша. Нет. Ты не будешь заниматься этим делом. Я тебя отстраняю. Я не могу идти против требований. Ведь тебе и без того есть чем заниматься?

– Найдется.

– Вот и хорошо. В нашем городе, как утверждают некоторые газетчики, процветает коррупция, тебе не кажется? Приватизация, оказывается, не столь безупречна, как некоторым кажется... Взятки в особо крупных размерах, подкуп должностных лиц, выборы... На первый план выходят не отрезанные головы, а экономические преступления. Вот бы где развернуться, вот бы где показать себя начальнику следственного отдела, а, Паша?

– Экономические преступления, как ты выражаешься, обычно и заканчиваются отрезанными головами, Леонард. – Пафнутьев поднялся, подошел к двери, постоял спиной к прокурору, потом обернулся и подождал, пока Анцыферов оторвется от бумаг и взглянет на него. – Тебе сказать, чья голова будет следующей в целлофановом мешке?

– Береги свою, Паша.

– Учту. Но ты не ответил на мой вопрос... Когда мы с Амоном вели наши длительные и откровенные беседы в той ванне, в которую должна была стечь моя кровь... Он многое мне рассказал, Леонард. Ничего не скрывал. Так прямо и заявил... Спрашивай, говорит, начальник, все, что хочешь, спрашивай... На все твои вопросы отвечу, говорит, искренне и без утайки.

– И о чем же ты спрашивал?

– О тебе в основном беседовали... Очень ты ему нравишься. Но, говорит, есть у прокурора один большой недостаток, очень большой, прямо-таки нестерпимый...

– Какой? – Анцыферов смотрел на Пафнутьева без всякого выражения, он словно был в каком-то оцепенении.

– Слишком много знает, говорит.

– Что же в этом плохого?

– Тебе кажется, что в этом нет ничего плохого, а вот он сказал это с осуждением. Так сказать – чья?

– Ну? – Анцыферов сидел бледный, ухватившись пальцами за край стола.

– Ты угадал, Леонард, – ответил Пафнутьев и, не задерживаясь, вышел из кабинета.

* * *

Вернувшись к себе, Пафнутьев, сам того не заметив, запер дверь, старательно повернув ключ два раза. Убедившись, что замок сработал, направился к своему столу. И лишь тогда вдруг понял, что только что проделал.

И усмехнулся.

– Надо же, – произнес вслух, но не встал, дверь не отпер.

События последних дней убедили его в том, что на этот раз он столкнулся с явлением совершенно новым, доселе невиданным. Все предыдущее казалось чуть ли не детскими игруш-

ками. Преступники прятались, скрывались, удирали, притворялись честными и порядочными, время от времени отсиживали свои сроки и возвращались. Здесь же... В городе обосновалась и действовала почти открыто не просто банда, а банда в полном смысле слова беспредельная. Причем с мощным прикрытием на самых верхних этажах городской власти.

Такого еще не было.

К примеру, может ли сейчас войти в прокуратуру тот же Амон со своими приятелями и разрядить в него обойму из пистолета? Может. Очень даже запросто. И ничто ему не мешает. После этого он спокойно выйдет через центральные двери, сядет в машину и уедет без превышения скорости. А может тот же Амон с теми же своими приятелями войти с автоматами и вообще расстрелять весь состав городской прокуратуры? Никаких проблем у него не возникнет. Нет сил, которые помешали бы ему в этом.

Может ли Байрамов набрать гарем из первых красавиц города и отправиться с ними на Кипр? Может. И все городские власти, радио, телевидение и газеты будут изо всех сил ему в этом помогать. А насытившись красавицами, натешившись ими, он разбросает их по борделям острова и вернется в город, чтобы рассказать, как счастливы девушки, как много они получают долларов, как весело им живется на солнечных берегах древнего Кипра. И начнет собирать новый гарем...

А если кто-то встанет на пути, то голову этого человека вскорости найдут где-нибудь в самом неожиданном месте – ведь обещал Амон водрузить голову Пафнутьева прямо на его письменный стол. И эта задача не была бы для него слишком сложной. И тебе, Павел Николаевич, крепко повезло, что этого не случилось. Все шло, все шло к тому, что действительно если и не на письменном столе, то на ближайшей свалке нашел бы ее какой-нибудь ветеран Второй мировой войны во время очередного своего обхода в поисках пустых бутылок, старых шапок, поношенных штанов. Новые законы позволяли ему, ветерану, заниматься этим свободно и беспрепятственно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.